

- - [Святитель Иоанн Златоуст
](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

Введение

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#)

**Святитель Иоанн Златоуст
**

Толкование на послание к Галатам

Глава 1

[Гал.1:1–3](#). Павел Апостол, *избранный* не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братья – церквам Галатийским: благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа.

Побуждение к написанию Павлом послания. – Павел был призван самим Христом. – Власть Сына и Святого Духа одна и та же. – Разрешение возражения аномеев. – Против аномеев и ариан. – Против христиан иудействующих. – Вопрос о том, следует ли обрезываться христианам. – Смирение Павла.

1. Начало послания исполнено великого гнева и вместе великой мудрости; да и не одно только начало, но и все, можно сказать, послание. Это потому, что беседовать с наставляемыми всегда с кротостью, хотя бы даже по отношению к ним и была необходима строгость, свойственно скорее не учителю, а губителю и недоброжелателю. Вот почему и Господь, беседовавший в большинстве с учениками с кротостью, в некоторых случаях употребляет строгость в слове, и иногда ублажает их, а иногда порицает. Так, сказав Петру: «блажен ты, Симон, сын Ионин» («блажен еси, Симоне, вар Иона») и обещав на исповедании его положить основание Церкви ([Мф.16:17](#)), спустя немного после этих слов говорит: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн!» («иди за Мною, сатано, соблазн ми еси») ([Мф.16:23](#)); а в другом месте снова говорит: «неужели и вы еще не понимаете?» («единаче ли и вы без разума есте») ([Мф.15:16](#)). И, наконец, внушил им такой страх, как замечает Иоанн, что увидевши Его беседующим с женою самарянкою, они напоминали Ему только относительно пищи, но ни один не осмелился сказать: «О чем Ты говоришь?», или: «Чего требуешь от нее?» ([Ин.9:27](#)). Зная это, и Павел, следуя по стопам Учителя, также разнообразил свое слово соответственно нужде наставляемых, в одних случаях применяя как бы прижигание и отсечение, а в других – прилагая как бы смягчающие лекарства. Так, коринфянам он говорит: «Чего вы хотите? с жезлом прийти к вам, или с любовью и духом кротости?» («Что хотите? с палицею ли прииду к вам, или с любовью и духом кротости?») ([1Кор.4:21](#)), а галатам сказал: «О, несмысленные Галаты!» («О, несмысленнии Галате») ([Гал.3:1](#)), и не один только раз, но и в другой употребил тот же самый упрек ([Гал.3:3](#)). И в конце (послания), так же упрекая их, сказал: «Впрочем, никто не отягощай

меня» («труды да никтоже ми дает») ([Гал.6:17](#)). Но, с другой стороны, он и утешает их, когда, например, говорит: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения» («чадца моя, имиже паки болезную») ([Гал.4:19](#)), и многое другое подобное этому. А что действительно послание исполнено гнева, это каждому станет ясно и после беглого прочтения его.

Но необходимо сказать, что раздражило его против учеников: без сомнения, это было не маловажное что-нибудь и не стоящее внимания, потому что в таком случае он не сделал бы им столь сильного упрека. Ведь раздражаться по поводу незначительных случаев свойственно людям малодушным, жестоким и удрученным горем; равно как проявлять равнодушие в делах важных свойственно ленивым и сонливым. Но Павел был не таков. Итак, что же это был за проступок, возмутивший его? Великий и весьма тяжкий, притом отчуждавший всех их от Христа, как он сам говорит далее: «Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» («се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользует»); и опять: «Вы, оправдывающие себя законом,... отпали от благодати» («иже законом оправдаетесь, от благодати отпадосте») ([Гал.5:2, 4](#)). Итак, что же это значит? Это требует более подробного разъяснения. Некоторые из уверовавших иудеев, находившиеся еще под влиянием воззрений иудейства, а вместе надменные честолюбием, желая присвоить себе достоинство учителей, явившись к галатам, стали учить, что необходимо обрезываться, соблюдать субботы и новомесечия, и не принимать Павла, который отвергал все это. «Ведь Петр, Иаков и Иоанн, – говорили они, – эти первоверховные апостолы, бывшие со Христом, не запрещали этого». И действительно, они не запрещали; но поступали так не потому, чтобы признавали необходимость всего этого, а лишь по снисхождению к слабости уверовавших из иудеев. Павел же, проведывавший среди язычников, не находил нужды в подобном снисхождении, между тем как, когда находился в Иудее, он и сам делал такое снисхождение. Но лжеучители, не указывая причин, по которым как он, так и те (апостолы) допускали такое снисхождение, обольщали людей более простых, говоря, что не должно слушать Павла, так как он явился только вчера или сегодня, тогда как Петр и сущие с ним суть первейшие из апостолов; притом, он – ученик апостолов, а те – ученики Христовы; он один, а тех много и они – столпы Церкви. Они, кроме того, обвиняли (Павла) и в лицемерии, говоря, что и сам он, отвергая обрезание, в других случаях, несомненно, исполняет иудейские обряды; и что он иначе проповедует им, и иначе – другим. Вот почему, увидав, что весь народ воспламенился и в Церкви

галатийской возгорелся опасный пожар, что здание ее колеблется и угрожает падением, (апостол), объятый справедливым гневом, а также и скорбью (он ведь объявил и это, сказав: «Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой» («хотел... бых приити к вам ныне и изменити глас мой») ([Гал.4:20](#)), пишет послание, отвечая на все обвинения. И прежде всего, в самом начале, он возражает на то, что говорили унижавшие его достоинства, а именно, что прочие апостолы были учениками Христа, а он – ученик апостолов. Вот почему он и начал послание так: «Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека» («Павел, апостол ни от человек, ни человеком») ([Гал.1:1](#)). Как я сказал выше, те лжеучители утверждали, что Павел – последний из всех апостолов и что он от них уже научился вере. Петр же, Иаков и Иоанн и призваны были прежде, и занимают первое место между учениками, и догматы веры приняли от самого Христа, а потому и верить следует более им, чем первому. Названные же апостолы не воспрещают ни обрезываться, ни соблюдать закон (Моисеев).

2. Говоря это и подобное этому и тем унижая Павла и возвышая достоинство тех (апостолов), впрочем, не с целью прославления их, а для того, чтобы обольстить галатян, они несвоевременно уже внушали им соблюдать закон. Итак, (апостол) вполне справедливо начал (послание) подобным образом. В самом деле, так как они унижали учение его, говоря, что оно от человек, тогда как учение Петра от Христа, то (апостол) в самом начале тотчас же и опровергает это, говоря, что он апостол (избранный) «не человеками и не чрез человеков». Правда, его крестил Анания ([Деян. 9:17](#)), но не он вывел его из заблуждения и привел к вере, а сам Христос воззвал к нему свыше тем чудесным гласом и таким образом уловил его, Петра и брата его, а равно и Иоанна с братом – последнего Господь призвал, ходя при море, Павла же – после вознесения на небеса. И подобно тому, как те не имели нужды во вторичном призвании, но оставивши сети и все прочее, тотчас последовали за Ним, – точно так же и этот от первого призвания взошел на самый верх совершенства, и тотчас приняв крещение и вступив в непримиримую борьбу с иудеями, тем самым много превзошел еще и апостолов: «я более всех их, – говорит он, – потрудился» («паче... их потрудихся») ([1Кор.15:10](#)). Но в настоящем случае он не касается этого, а лишь довольствуется указанием на свое равенство (с другими апостолами). Ведь для него здесь важно было не то, чтобы показать свое превосходство пред ними, но уничтожить причину соблазна.

Итак, слова «не человеками» («ни от человек») относились ко всем (проповедникам), так как проповедь евангельская имеет начало и

основание свое свыше; слова же «не через человека» («ни человеком») относились исключительно к апостолам, так как Христос призвал их не чрез людей, но непосредственно сам. Но почему он не упомянул о призвании и не сказал: «Павел, званный не человеками», но упоминает об апостольстве? Потому, что в этом заключалось все дело. Ведь (обольстители) говорили, что право учения передано ему от людей – апостолов, и потому он должен следовать им. Но что это право получено им не от людей – это засвидетельствовал Лука, сказавши: «Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Павла и Варнаву» («служащим же им Господеви и постящимся, рече Дух святой: отделите Ми Варнаву и Савла») ([Деян.13:2](#)). Отсюда ясно, что власть Сына и Духа Святого – одна и та же. В самом деле, будучи послан Духом Святым, (апостол) говорит, однако, что он послан Христом. Это показывает он и в другом месте, приписывая Духу (Святому) то, что приличествует Богу. Так, в беседе милетскими пресвитерами он говорит: «внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас пастырями и блюстителями» («внимайте... себе и... стаду, в немже вас Дух Святой постави епископы, пасти церковь») ([Деян.20:28](#)), хотя в одном из других посланий говорит: «иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками,... далее – пастырями и учителями» («овых убо положи Бог в церкви первее апостолов, второе пророков, третье учителей») ([1Кор.12:28](#)). Таким образом, он безразлично пользуется словами, усваивая Духу то, что принадлежит Богу, и наоборот – свойственное Духу приписывая Богу. Но он и другим еще образом заграждает уста еретиков, когда говорит: «Иисусом Христом и Богом Отцем». Так как говорят, что подобное выражение употреблено по отношению к Сыну, как имеющее меньшую важность, то посмотри, что он делает: он поставляет его перед названием Отца, научая нас этим не полагать законов для непостижимого естества и не определять меры божественности между Сыном и Отцом, так как сказав: «Иисусом Христом», он присоединил: «и Богом Отцем». Ведь если бы он, упомянув отдельно только об Отце, употребил это выражение – «чрез Которого», то, может быть, они прибегли бы и к уловке, сказав, что выражение «чрез Которого» приличествует Отцу, так как действия Сына относятся к Нему; теперь же, упомянув вместе о Сыне и об Отце и употребив по отношению к Ним одинаковое выражение, он совершенно уже не оставляет места для подобного измышления, так как он делает это не для того, чтобы приписать принадлежащее Сыну – Отцу, но с целью показать, что это выражение не допускает никакого различия в Их существе. Что же теперь

скажут и те, которые измышляют какое-то уменьшение (божеских ипостасей) в крещении на том основании, что крещение совершается во имя Отца и Сына и Святого Духа? Ведь если Сын по своему достоинству ниже Отца только потому, что Он поставляется после Отца, то что они скажут теперь, после того, как апостол, начавши со Христа, потом уже переходит к Отцу? Но мы не будем говорить ничего богохульного. Вступая в состязание с ними, мы не должны отступать от истины, но если бы даже они тысячу раз безумствовали, нам и в таком случае необходимо держаться в пределах благочестия. Вот почему как здесь, только на основании того, что (апостол) упомянул о Христе прежде, мы не назовем Сына большим Отца, – ведь это было бы верхом безумия и всякого нечестия, – так и там, (в заповеди о крещении), на основании того, что Сын поставлен после Отца, мы не должны считать Сына меньшим Отца.

«Воскресившим Его из мертвых». Что ты делаешь, Павел? Желая привести к вере иудействующих, ты не выставляешь на вид ни одного из великих и блистательных свойств Его подобно тому, как ты писал к филиппийцам, говоря, что «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу» («во образе Божии сый, не восхищением непщева... равен Богу») ([Флп.2:6](#)); как затем в послании к евреям громогласно возвестил, что Он есть «сияние славы и образ ипостаси Его» ([Евр.1:3](#)); или как провозгласил о Нем в начале своего Евангелия сын грома: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» («в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово») ([Иоан.1:1](#)); или как, наконец, сам Иисус часто объявлял иудеям, говоря, что Он обладает равным могуществом с Отцом и имеет ту же самую власть ([Иоан.5:17, 19–37](#)). Ты не говоришь ничего подобного, но, оставив все это, упоминаешь о том, что совершилось над плотию Его, указывая на крест и смерть? Да, – говорит он. Ведь если бы речь была обращена к людям, не знающим ничего великого о Христе, то было бы прилично сказать о Нем это; но так как против нас поднимают мятеж люди, которые думают, что они подвергнутся наказанию, если отступят от закона, то поэтому и упомянуто об обстоятельстве, которым совершенно отменяется необходимость закона, то есть о благодеянии, происшедшем для всех от креста и воскресения. Если бы он сказал, что «в начале было Слово», или что Оно было во образе Божии и соделало Себя равным Богу, и тому подобное, то этим он показал бы божественность Слова, но нисколько не помог бы в настоящем деле; сказав же: «воскресившим Его из мертвых», он этим самым напомнил о самом главном благодеянии, оказанном нам, а это принесло ему немалую пользу в данном случае. Ведь большинство людей обыкновенно не столько

внимательно слушают слова, доказывающие величие Божие, сколько беседы, раскрывающие благодеяния Его к людям. Вот почему, отложив беседу о первом, он и говорит об оказанном нам благодеянии.

3. Но еретики возражают, говоря: «Смотри, Отец воскрешает Сына!» Так как они однажды заразились болезнью еретичества, то становятся притворно глухими к тому, что касается высоты догматов, а выбирают только относящееся к состоянию уничижения (Христа), сказанное во внимание или к человечеству Его, или к чести Отца, или по какому другому устройению (Божью), и, рассматривая подобные места в отдельности, причиняют вред сами себе (не скажу – Писанию). Я охотно спросил бы у них, для чего они говорят это? Неужели для того, чтобы представить Сына слабым и не имеющим силы для воскрешения даже тела? Но одна вера в Него производила то, что и тень веровавших в Него воскрешала мертвых ([Деян. 5:15](#)). Итак, люди верующие в Него, будучи сами смертными, одною тенью своих перстных тел и одеждами своими, облакавшими эти тела, воскрешали мертвых, – а Он не мог воскресить самого Себя? Не явное ли это сумасшествие и высшая степень безумия? Ты не слышал, что говорит Он: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» («разорите церковь сию, и тремя денми воздвигну ю») ([Иоан.2:19](#)), и еще: «Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» («область имам положить душу Мою, и область имам паки прияти ю») ([Иоан.10:17–18](#))? Итак, почему же говорится, что Отец воскресил Его? Потому же, почему и многое другое, что творит (Сын), приписывается (Отцу). Это сказано в честь Отца и ради немощи слушателей.

«И все находящиеся со мною братия» («И иже со мною вся братия») ([Гал.1:2](#)). Почему нигде в других посланиях он не прибавляет этого? Там он или полагает одно только свое имя, или называет по имени еще двоих или троих; здесь же назвал все множество, а потому и не упомянул ни о ком по имени. Для чего же он делает это? Его упрекали за то, что он только один проповедует так и вводит новое учение в догматы веры. Желая поэтому уничтожить такое подозрение и показать, что он имеет многих единомышленников, он присоединил братию, давая тем понять, что то, что он пишет, он пишет согласно с их мнением.

«Церквам Галатийским». Ведь пламя заблуждения объяло не один город, не два и три, но весь народ галатийский. Обрати внимание и здесь на великое негодование (апостола). Он не сказал: «возлюбленным», не сказал также: «святым», но – «Церквам Галатийским». Это было признаком сильно скорбящего и обнаруживающего печаль свою – что не приветствовал их ни именем любви, ни именем чести, но именем только

их общества, и что не прибавил даже: «церквам Божиим», но просто сказал – «Церквам Галатийским». Вместе же с тем он спешит в самом начале привести к единству их разделение, а потому и прибавил имя Церкви, желая этим пристыдить их и собрать воедино. В самом деле, будучи разделены на многие части, они и не могли называться этим именем, так как имя Церкви есть имя согласия и единомыслия.

«Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа... Иисуса Христа» ([Гал.1:2–3](#)). Он полагает необходимым везде употреблять это (приветствие), в особенности же теперь, посылая послание к галатам. Так как они находились в опасности отпасть от благодати, то он и желает им снова утвердиться в ней. Они сделались противниками Богу, а потому он и просит Бога, чтобы Он привел их к прежнему миру с Собою.

«Бога Отца». И этими словами снова легко побеждаются еретики. Они утверждают, что Иоанн, говоря в начале своего Евангелия: «и Слово было Бог» («и Бог бе Слово») ([Ин.1:1](#)), употребил слово «Бог» без члена «καὶ Θεός ἦν ὁ Λόγος» потому, что желал представить божество Сына меньшим (божества Отца); и что опять, когда Павел говорит, что Сын был образом Бога ([Флп.2:6](#)), говорит это не об Отце, потому что это слово (Θεοῦ) и здесь поставлено без члена; что же они скажут теперь, когда Павел говорит не «ἀπό τοῦ Θεοῦ» – «от Бога» (употребляя это слово с приставкой члена του), но «ἀπό Θεοῦ Πατρός» – «от Бога Отца» (без прибавления члена)? Бога же называет он здесь Отцом, не льстя им, но напротив, сильно упрекая их этим и приводя на память причину, по которой они сделались сынами. Ведь не чрез закон, но банею пакибытия они удостоились такой чести. Вот почему он везде и в начале посланий своих многократно делает указания на проявления благодати Божией, говоря почти так: «Рабы, враги и отверженные, как это вы (будучи таковыми) вдруг называете Бога Отцом? Разве закон даровал вам это высокое родство? Зачем же, в таком случае, вы, оставив Того, Кто так приблизил вас к Себе, снова обращаетесь к пестуну?» И не только имя Отца, но и наименования, применяемые по отношению к Сыну, достаточны для того, чтобы показать им эту благодать. «Потому, – сказано, – и наречется имя Ему Иисус, что Той спасет людей Своих от грехов их» («спасет люди своя от грех их») ([Мф. 1:21](#)); название же Христос приводит на память помазание Духом.

4. «Который отдал Себя Самого за грехи наши» («давшаго Себе по гресех наших») ([Гал.1:4](#)). Смотри, Он не рабское и не принужденное понес служение, и никто не предавал Его, но Он сам предал Себя, а потому, когда услышишь Иоанна, говорящего, что Отец отдал Сына Своего Единородного за нас ([Ин.3:16](#)), то не умаляй на этом основании

достоинства Единородного и не подумай о Нем чего-нибудь человеческого. Хотя и говорится, что Отец предал Его, но не для того, чтобы ты считал служение (Сына) рабским, а для того, чтобы ты узнал, что это служение было угодно и Отцу. Это именно и здесь показал Павел, сказав: «по воле Бога и Отца нашего» – не по повелению, но – «по воле». В самом деле, так как воля у Отца и Сына одна, то, чего желал Сын, того же желал и Отец.

«За грехи наши» («по гресех наших»). «Мы погрязли, – говорит он, – в бесчисленных беззакониях и достойны были жесточайшего наказания. Закон же не только не избавлял нас, но еще и осудил, сделав более явным наши согрешения и будучи не в состоянии освободить нас и утишить гнев Божий; а Сын Божий сделал возможным и это невозможное, разрешив и наши грехи, и поставив нас, бывших врагов, в разряд друзей, и даровав нам другие бесчисленные блага». Потом говорит: «чтобы избавить нас от настоящего лукавого века» («яко да избавит нас от настоящего века лукаваго») ([Гал.1:4](#)). Опять другие еретики пользуются этим выражением, чтобы оклеветать настоящую жизнь и привести (в доказательство этого) свидетельство Павла. «Вот, – говорят они, – Павел называет настоящий век лукавым». Но скажи мне, что такое век? Время, состоящее из дней и часов. Итак, что же? Неужели продолжение дней и течение солнца лукавы? Но никто никогда не скажет этого, хотя бы он дошел до крайнего безумия. Ты скажешь, что (апостол) назвал лукавым не время, а настоящую жизнь? Но эти слова означают не то, и ты основываешься не на словах Павла, сплетая обвинение на настоящую жизнь, а произвольно составляешь свое толкование. Позволь же в таком случае и нам истолковать сказанное (апостолом), тем более, что наше толкование и благочестиво, и имеет основание. Итак, что же мы скажем? То, что никакое зло никогда не может быть причиной добра, а настоящая жизнь служит причиной бесчисленных венцов и величайших наград. Вот почему и сам блаженный Павел безмерно восхваляет эту жизнь, говоря так: «Если же жизнь во плоти *доставляет* плод моему делу, то не знаю, что избрать» («аще же, еже жити [ми] телом, сие мне плод дела: и что изволю, не вем») ([Флп.1:22](#)). И предоставляя себе выбор – жить ли здесь, или разрешиться и быть со Христом, он предпочитает пребывание здесь. А если бы настоящая жизнь была злом, он не сказал бы этого о себе; и никто никогда не может воспользоваться ни злом для достижения добра, ни блудом для целомудрия, ни завистью для благожелательства. И когда Павел говорит о плотских помышлениях, что они не покоряются закону Божию, да и не могут ([Рим. 8: 7](#)), он говорит тем самым, что порок, оставаясь пороком, не может быть добродетелью. Поэтому, когда ты услышишь о лукавом веке, то

разумей под этим лукавые дела, развращенную волю. И Христос пришел не для того, чтобы умертвить нас и таким образом вывести из настоящей жизни, но для того, чтобы оставив нас в мире, сделать нас достойными жизни небесной. Вот почему и в беседе Своей с Отцом Он говорил: «они в мире, а Я к Тебе иду» («и сии в мире суть, и Аз к Тебе гряду»). И еще: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» («не молю, да возмешь их от мира, но да соблюдеши их от неприязни»), т. е. от порока ([Ин.17:11, 15](#)). Если же ты не принимаешь этого объяснения, но продолжаешь утверждать, что настоящая жизнь есть зло, то не осуждай и самоубийц. В самом деле, подобно тому как человек, освобождающий себя от порока, заслуживает не порицаний, а наград, точно так же, по вашему мнению, и прекращающий свою жизнь насильственной смертью, чрез удушение или иным каким-либо способом, не будет достоин осуждения. Но в действительности и Бог подвергает таких большему наказанию, чем человекоубийц, да и все мы с ужасом отвращаемся от них, и это вполне справедливо, потому что если преступно убивать других, то тем более – самого себя. Если же настоящая жизнь есть зло, то человекоубийц надобно награждать за то, что они избавляют нас от зла. Кроме того, говорящие это опровергают и самих себя. В самом деле, признавая солнце, а вместе с ним и луну божеством и поклоняясь им как виновникам многих благ, они противоречат сами себе. Ведь они (солнце и луна), а равно и другие звезды, совершенно бесполезны для чего-нибудь другого, а приносят пользу нам для настоящей, лукавой, как утверждают они, жизни, питая и освещая тела и содействуя созреванию плодов. Каким же образом эти, по вашему мнению, боги содействуют такому устройению лукавой жизни? Но ни звезды, – не боги, ни в коем случае, а дела Божии, сотворенные для нашей пользы, – ни самый мир не является злым. Если же ты укажешь мне на человекоубийц, прелюбодеев и грабителей могил, то все это нисколько не говорит против настоящей жизни, потому что грехи эти зависят не от жизни нашей во плоти, но от развращенной воли. Если бы они зависели от настоящей жизни и были как бы необходимо связаны с нею, то никто не был бы свободным и чистым от них. Смотри, ведь никто не в состоянии избежать необходимых нужд плотской жизни. Какие же это нужды? Есть, пить, спать, расти, алкать, жаждать, рождаться, умирать, и все другие подобного рода. И от этих нужд никто не может избавиться – ни грешник, ни праведник, ни царь, ни простолудин, но все мы подлежим этой необходимости природы. Точно так же, если бы и делание зла являлось по самой природе неизбежною участию жизни, то никто не избежал бы этого, подобно тому как невозможно избежать и тех естественных нужд. Не

говори мне, что редкие ведут добродетельную жизнь. Такого, кто победил бы необходимые естественные потребности, совсем не найдешь. Поэтому до тех пор, пока найдется хоть один, преуспевающий в добродетели, истина нашего слова останется непреложной. Что ты говоришь, несчастный и жалкий, неужели лукава настоящая жизнь, в которой мы познали Бога, любомуудрствуем о будущем, сделались из людей ангелами и составляем один сонм с горними силами? Какое же еще другое найдем мы доказательство против вашего злого и развращенного разума?

5. «Почему же, – говоришь ты, – Павел назвал настоящий век лукавым?» Он сказал так по обычному употреблению этого слова. Так и мы обыкновенно говорим: «Сегодня был для меня плохой день», – обвиняя этим не время, но дела и обстоятельства. Точно так же и Павел, осуждая злые влечения сердца, употребил общепринятое выражение и показывает, что Христос и освободил нас от прежних грехов, и поставил нас в безопасность от них на будущее время. Сказав: «который отдал Себя Самого за грехи наши» («давшаго Себе по гресех наших»), он показал первое, прибавлением же слов: «чтобы избавить нас от настоящего лукавого века» («яко да избавит нас от настоящего века лукаваго») он указал безопасное пристанище и на будущее время. Закон был бессилен для (освобождения и от них) одних из названных грехов, а благодать имела силу для (очищения) тех и других.

«По воле Бога и Отца нашего» ([Гал.1:4](#)). Так как они думали, что они оказывают неповиновение Богу, давшему закон, и боялись, оставивши древний закон, последовать новому, то (апостол) исправляет и это предубеждение их, говоря, что это угодно и Отцу. И он сказал не просто – «Отца», но – «Отца нашего», да и часто делает такое прибавление, для того, чтобы постыдить их указанием на то, что Своего Отца Христос сделал и нашим Отцом.

«Ему же слава во веки... Аминь» ([Гал.1:5](#)). И это нечто новое и необычайное. Слово «аминь» мы не встречаем нигде в начале и в предисловии посланий, а обыкновенно оно поставляется уже после многих (рассуждений). Здесь же, желая показать, что и сказанное заключает в себе достаточное обличение галатов, и что речь его совершенно закончена, он поставил это (слово) в начале послания. Очевидные проступки не требуют продолжительных приготовлений (для обличения). Поэтому, вспомянув о кресте и воскресении, об искуплении грехов, о безопасности от них на будущее время, о воле Отца и согласии Сына, о благодати, мире и о всяческих дарах Божиих, он заключил речь свою славословием. И не поэтому только он поступил так, но также и от

чрезмерного изумления пред величием дара и преизбытком благодати, и от представления того, каковыми мы были, и чем соделал нас Бог сверх нашего чаяния и в самое короткое время. Не будучи в состоянии выразить этого словом, он и заключил речь свою славословием, воссылая за всю вселенную хвалу Богу, – не такую, которая была бы достойна Его, но которая была возможна для него. Вот почему после этого он еще с большею силою продолжает речь свою, воспламенившись, как бы от сильного пламени, от представления благодеяний Божиих. Сказав: «Ему же слава во веки... Аминь», он начинает затем еще сильнее свое обличение, следующими словами: «Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию» («чуждуся, яко тако скоро прелагаетесь от звавшего вы благодатию Христовою, во ино благовествование») ([Гал.1:6](#)). Так как они соблюдением закона думали угодить Отцу, подобно тому как и иудеи преследованием Христа, то он прежде всего показывает, что, поступая таким образом, они оскорбляют не только Христа, но и Отца. «Делая это, – говорит он, – вы отлагаетесь не только от Христа, но и от Отца, потому что как ветхий завет принадлежит не только Отцу, но и Сыну, точно так же и благодать есть дар не только Сына, но и Отца, и все у Них общее: «все, что принадлежит Отцу, есть Мое» ([Ин.16:15](#)). Показав, таким образом, что они отступают и от Отца, он возлагает на них две вины: отступление и весьма скорое отступление. Конечно, они были бы достойны обвинения и в том случае, если бы отпали спустя много времени, но здесь речь идет об обольщении. Ведь достоин обвинения и тот, кто отступает спустя долгое время, падающий же при первомпадении и еще от издали пускаемых стрел показывает собою пример крайней слабости. В этом обвиняет (апостол) и галатов, как бы говоря: «Что такое значит, что обольщающие вас не имеют нужды даже и во времени, но и одного первого приступа довольно для них, чтобы покорить всех вас и пленить? Какое же вы можете иметь извинение?» Если и по отношению к друзьям подобный поступок является виною, и оставивший прежних и полезных друзей своих достоин осуждения, то подумай, какому наказанию подлежит тот, кто оставил Бога, призвавшего его? Когда же он говорит: «удивляюсь» («чуждуся»), то этим словом не упрекает их только за то, что они, после столь обильных дарований, после столь великого прощения грехов и столь великого человеколюбия Божия, добровольно предались игу рабства, но вместе и показывает, какое имеет он о них мнение, т. е. высокое и отличное. В самом деле, он не дивился бы случившемуся, если бы считал их слабыми и легко обольщаемыми, «но так как, – говорит он, – вы были из числа искренно уверовавших и много

потрудившихся, то поэтому я и удивляюсь». Этого довольно было для их обращения и приведения в прежнее состояние. Это же изъяснил он и в середине послания, сказав: «Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!» («толика пострадаете туне? Аще точию и туне») ([Гал.3:4](#)).

«Переходите» («прелагаетесь»). Не сказал – «перешли» («преложились»), но – «переходите» («прелагаетесь»), то есть: «я не верю еще и не думаю, чтобы это обольщение имело совершенный успех», – чем опять показывает надежду обратить их. Это же он яснее выразил и впоследствии, сказав: «Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе» («аз надеюся о вас, яко ничтоже ино разумети будете») ([Гал.5:10](#)).

«От призвавшего вас благодатью Христовою» («от звавшего вы благодатью Христовою») ([Гал.1:6](#)). Призывание, конечно, есть дело Отца, причиною же призывания является Сын, так как Он примирил нас и дал дар благодати, – ведь не от дел праведных мы получили спасение. Лучше же сказать – принадлежащее Сыну принадлежит и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежит и Сыну. «Все Мое, – говорит Он, – Твое, и Твое Мое» («Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя») ([Ин.17:10](#)). И не сказал: «вы переходите (прелагаетесь) от благовествования», но – «от призвавшего вас» («от звавшего вы»), т. е. Бога. Он употребил выражение, которое было более грозно для них и скорее могло поразить их страхом. Люди, хотевшие обольстить галатов, делали это не сразу, но изменяя мало-помалу сущность проповеданных им истин, не изменяя их наименований. Такого же рода и обольщения диавола – и он незаметно расставляет свои сети. Если бы они стали говорить: «Отрекитесь от Христа», – то галаты остерегались бы их как обманщиков и развратителей, теперь же, оставив их до времени в вере и прикрыв свой обман наименованием благовествования, они с большею смелостью подкапывали здание, прикрывая, подобно подкапывающим стены, как бы некоторою завесою, этими именами проповедуемое учение.

6. Итак, ввиду того, что они называли свое ложное учение благовествованием, (апостол) весьма кстати вступается и за самое наименование и действует прямо, говоря: «к иному благовествованию, которое *впрочем* не иное» («во ино благовествование, еже несть ино») ([Гал.1:6–7](#)). Прекрасно (сказано), потому что оно действительно не иное. Но, подобно тому, как это случается с больными, которые терпят вред и от здоровой пищи, так и маркиониты потерпели здесь то же самое. Они воспользовались этими словами и говорили: «Вот и Павел сказал, что нет другого благовествования», – так как они принимают не всех

евангелистов, но только одного, и притом многое отсеки и изменивши в нем по произволу. Что же в таком случае значат сказанные тем же апостолом слова: «по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа» («по благовествованию моему и проповеданию Иисус Христову») ([Рим. 14:24](#))? Итак, слова их заслуживают великого посмеяния; но хотя бы они были и смешны, однако, необходимо обличить их ложь ради тех, которые легко соблазняются. Что же мы скажем? То, что хотя бы и весьма многие писали Евангелия, но если они будут писать одно и то же – в таком случае и многие Евангелия будут представлять одно, и множество пишущих нисколько не воспрепятствует ему быть одним, подобно тому как и наоборот, хотя и один кто писал, но стал бы говорить противное, – написанное им не будет одним. В самом деле, одно или не одно (Евангелие), – это определяется не числом пишущих, но тождеством или разностью содержания. Отсюда ясно, что и четыре Евангелия представляют собою одно Евангелие. Ведь когда четверо говорят одно и то же, то это не будет разным только благодаря различию лиц, но является одним в силу согласия написанного ими. И Павел говорит здесь не о числе проповедующих, но о несогласии проповедуемого. Поэтому, если по силе написанного и по правильности догматов евангелие Матфея представляет одно, а Луки – другое, то (маркиониты) справедливо приводят слова Павла; если же (эти Евангелия представляют) совершенно одно и то же, то пусть перестанут они безумствовать, притворяясь не знающими того, что вполне ясно и малым детям.

«Только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово» («Точию нецыи суть смущающи вы и хотящи превратити благовествование Христово») ([Гал.1:7](#)). Это значит: «До тех пор, пока вы будете здравы умом и будете обращать внимание лишь на правое, а не извращенное, измышляя то, чего нет, вы не признаете другого Евангелия». Подобно тому как поврежденный глаз видит одно вместо другого, точно также и ум, возмущенный приливом злых помыслов, обыкновенно подвергается точно такой же болезни. Вот почему и страдающие сумасшествием представляют одно вместо другого. Но это безумие опаснее того, так как причиняет вред в познании не чувственных предметов, но духовных, производит расстройство не в зрачке плотских глаз, но в очах ума.

«И желающие превратить благовествование Христово» («и хотящи превратити благовествование Христово»). Правда, они прибавили еще только одну или две заповеди, установив вновь заповедь об обрезании и соблюдении дней; но, желая показать, что и незначительное нарушение

закона разрушает все, он и сказал, что ниспровергается Евангелие. Подобно тому как тот, кто хотя бы незначительно испортит в царских монетах печать, делает негодной всю монету, точно так же и тот, кто извратит и малейший догмат правой веры, все уже подвергает разрушению, постепенно переходя от одного повреждения к другому, худшему.

Итак, где осуждающие нас в любопрении за несогласие с еретиками? Где говорящие, что нет никакого различия между нами и ими, но что существующий раздор происходит от любоначала? Пусть они услышат, что говорит Павел, а именно, что ниспровергают Евангелие и те, которые привносят в него вновь даже что-нибудь и маловажное. Они же вводят вновь не маловажное, потому что может ли быть маловажным, когда они называют Сына Божия творением? Разве ты не слышал, как и в ветхом завете некто, собиравший дрова в субботу и тем нарушивший одну заповедь, и притом не самую важную, подвергся жестокому наказанию ([Числ. 15:32–36](#)), или о том, что Оза, хотевший поддержать угрожавший падением ковчег завета, тотчас умер, за то, что присвоил не соответствующее ему служение ([2 Цар. 6:6–7](#))? Итак, если нарушение субботы и прикосновение к падающему ковчегу привели Бога в такое негодование, что дерзнувшие на то и другое не получили ни малейшего помилования, то извращающий страшные и неизреченные догматы веры неужели получит оправдание и помилование? Нет ему помилования, нет никакого! Это-то самое и служит причиной всех зол, именно – что мы не беспокоимся о малых проступках. Потому-то и возникли более тяжкие грехи, что малые остаются без надлежащего исправления. И подобно тому как в отношении к телам пренебрегающие врачеванием ран производят этим горячки, гниение и смерть, точно так же и по отношению к душам – не обращающие внимания на незначительные погрешности впадают в большие. «Такой-то, – говорят, – погрешает против поста, и тут нет ничего важного»; другой тверд в православной вере, но, лицемеря в угоду времени, не с таким дерзновением исповедует ее, – «и это, – говорят, – не представляет очень большого зла»; иной, будучи раздражен, грозил отступить от правой веры, – но и это будто бы не заслуживает наказания, «так как он, – говорят, – согрешил в гневе и раздражении». И бесчисленное множество подобного рода грехов, как каждый может видеть, ежедневно вторгается в Церковь. Поэтому мы и сделались достойными посмеяния в глазах иудеев и эллинов, (видящих), как Церковь разделяется на бесчисленные части. Если бы те, которые покушаются отступить от божественных законов и сделать в них какое-нибудь маловажное изменение, подвергались соответственному порицанию, то не появилась

бы настоящая зараза и не объяла бы Церкви столь великая буря. Итак, смотри, почему Павел называет обрезание ниспровержением Евангелия.

7. А ныне многие у нас и постятся в один день с иудеями, равным образом и субботы соблюдают; мы же терпим это с мужеством, или, лучше, с унижением. Да что я говорю об иудейских (обычаях)? Даже некоторые из нас соблюдают многие языческие обычаи, волхвования, гадания, предзнаменования, наблюдение дней, суеверные приметы при рождении и исполненные всякого нечестия письма, которые они, к несчастью, возлагают на головы только родившихся детей, научая их с первых дней жизни презирать труды из-за добродетели и подчиняя участь их обманчивому господству судьбы, управляющей ими. Но если и обрезающимся не будет никакой пользы от Христа ([Гал. 5:2](#)), то может ли вера сколько-нибудь послужить во спасение тем, которые вводят такое нечестие? Правда, обрезание было установлено Богом, но, ввиду того, что оно, будучи соблюдаемо не во время, вредило Евангелию, Павел сделал все, чтобы прекратить его. Неужели же после того, как Павел приложил такое старание к прекращению иудейских обычаев потому только, что соблюдение их было несвоевременно, мы не уничтожим обычаев языческих? Какое же мы будем иметь оправдание? Вот почему все у нас теперь в таком смятении и смешении; и наставляемые, преисполненные великой гордости, ниспровергли порядок, и все извратилось. Теперь если кто и немного их укорит, они презирают своих начальников, потому что мы плохо их воспитывали. А между тем, если бы начальники и действительно были негодны и преисполнены бесчисленных пороков, то и в таком случае ученику было бы не позволительно оказывать им неповиновение. В самом деле, если об иудейских учителях сказано, что они, как сидевшие на Моисеевом седалище, заслуживали того, чтобы их слушали наставляемые, хотя дела их были настолько злы, что (Господь) приказывал ученикам не подражать им и не соревновать в них ([Мф. 23:2-3](#)), то какого извинения будут достойны те, которые насмеются и презирают предстоятелей Церкви, по благодати Божией благочестиво живущих? Ведь если не позволительно осуждать друг друга, то тем более нельзя осуждать учителей.

«Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» («Но аще и аз, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет») ([Гал.1:8](#)). Замечай благоразумие апостола! Чтобы кто-нибудь не сказал, что он по тщеславию составляет свои собственные догматы, но подверг проклятию также и самого себя. А так как они опирались еще на

достоинство Иакова и Иоанна, то ввиду этого он упомянул и об ангелах. «Чтобы ты не указал мне, – говорит он, – на Иакова и Иоанна, (я и говорю): хотя бы даже кто из первых ангелов с неба стал повреждать проповедь евангельскую, – да будет анафема». И не напрасно он сказал – «с неба» («с небесе»), но с тою целью, чтобы ты, на основании того, что и священники называются ангелами (в словах): «Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа» («понеже устне иереовы сохраняют разум, и закона възшут от уст его: яко ангел Господа Вседержителя есть») ([Мал.2:7](#)), – не подумал, что здесь говорится об этих ангелах, он прибавлением слов «с неба» указал на горние силы. И не сказал: «если будут проповедовать противное», или – «ниспровергнуть все», но – «если бы и маловажное что стали благовествовать несогласно с тем, что благовествовали мы, да будут анафема».

«Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю» («Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю») ([Гал.1:9](#)). Для того чтобы ты не подумал, что предыдущие слова произнесены в гневе, или сказаны преувеличенно, или вырвались как-нибудь невольно, он снова повторяет их. Ведь если кто скажет что-нибудь, будучи возбужден гневом, тот скоро раскаивается в своих словах; кто же в другой раз говорит то же самое, показывает тем, что он сказал так подумавши, и что прежде решив в уме своем, он произнес сказанное именно так, (как решил). Авраам, умоляемый (богатым), чтобы послал Лазаря, сказал: «У них есть Моисей и пророки; если не послушают их, то не послушают и воскресших из мертвых» ([Лк.16:29, 31](#)). Христос, представляя Авраама говорящим это, желает показать, что Он хочет, чтобы более верили Писанию, чем восстающим из мертвых. А Павел (когда же я называю Павла, я разумею вместе и Христа, потому что Он сам действовал в душе его) предпочитает (Писание) и ангелам, сходящим с неба; и вполне справедливо. В самом деле, ангелы, хотя и велики, но они – рабы и слуги, а все Писание ниспослано нам, будучи написано не рабами, но Владыкою и Богом всяческих. Вот почему он и говорит: «Если кто будет благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам». Он не сказал: «такой-то или такой-то», – что весьма разумно и не тягостно. Для чего, действительно, нужно было упоминать об именах тому, кто обладал таким превосходством, что обнимал всех – и горних и дольних? Произнесши проклятие на благовестников и ангелов, он тем обнял всякое достоинство, а произнесши проклятие и на самого себя – всякое сродство и дружество. «Не говори мне, – говорит он, – что это проповедуют твои собратья – апостолы и

друзья, потому что я и самого себя не пощажу, если будут проповедовать противное. Впрочем, это он говорит не для осуждения других апостолов, как бы извращавших проповедь (евангельскую); нет: «мы ли, – говорит он, – они ли, мы так проповедуем» ([1Кор.15:11](#)); но этим он хотел только показать, что достоинство лиц не принимается во внимание, когда речь идет об истине.

«У людей ли я ныне ищущу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым» («Ныне бо человеки препираю, или Бога, или ищущу человеком угождати? Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был») ([Гал.1:10](#)). «Если бы, – говорит, – я и мог обмануть вас своими словами, то неужели я был бы в состоянии обмануть Бога, Который знает все тайные помышления и непрестанно угождать Которому составляет предмет единственной моей заботы?» Видишь ли дух апостольский? Видишь ли высоту евангельскую? То же самое говорил он и в своем послании к коринфянам: «мы не защищаемся пред вами, даем вам повод хвалиться нами» («но вину даем вам похвалению») ([2Кор.5:12](#)); и еще: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди» («мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческого дне») ([1Кор.4:3](#)). Так как он, будучи учителем, принужден защищаться пред учениками, то хотя и терпеливо переносит это, но вместе с тем и негодует; впрочем, не по гордости, – да не будет, – но из-за легкомыслия обольщаемых и из-за того, что они мало верят его словам. Вот почему он и сказал это, почти так говоря: «Разве у меня с вами дело? Разве люди будут судить меня? У меня дело с Богом, и я делаю все, чтобы оправдаться там, пред Его судом; да я еще и не дошел до такого несчастья, чтобы, готовясь дать ответ в проповеди моей пред Владыкою всяческих, стал повреждать догматы».

8. Итак, он сказал вышеприведенные слова частью в защиту себя, частью же желая дать им отпор. Ведь наставляемым следовало не судить своих учителей, но верить им; «но раз порядок уже извращен, – говорит он, – и вы воссели на место судей, то знайте, что я очень мало забочусь об оправдании пред вами, но все делаю для Бога, чтобы пред Ним и оправдаться в проповедуемых догматах». Кто хочет снискать благоволение людей, тот употребляет много лукавства и хитрости, пользуется обманом и ложью, чтобы склонить на свою сторону и расположить к себе слушателей; напротив, кто хочет снискать себе благоволение у Бога и старается угодить Ему, тому нужен только здравый и чистый ум, так как Божество не поддается обману. «Из этого очевидно, – говорит он, – что и

мы пишем это не из любоначалаия, и не для того, чтобы иметь учеников, а равно и не потому, чтобы добивались славы у вас, так как мы стараемся угодить не людям, но Богу. Если бы я хотел угождать людям, то и теперь был бы на стороне иудеев, и теперь бы еще преследовал Церковь. Но так как я презрел целый народ и друзей и родственников и высокую славу и предпочел всему этому гонения, вражду, брани и каждодневную смерть, то очевидно, что все, что я говорю теперь, я говорю не для приобретения славы человеческой». Сказал же он это потому, что намеревается рассказать и свою прежнюю жизнь, и внезапную перемену, и очевидным образом доказать, что он стоит за истину, чтобы они не подумали, что он делает это желая оправдаться пред ними, и не возгордились. Поэтому он и сказал наперед: «У людей ли я ныне ищу благоволения?» («ныне бо человеки ли премираю?») Он знал, что для исправления наставляемых иногда бывает благовременно предложить что-нибудь высокое и великое. Хотя он мог представить доказательства истины своего проповедания и из другого источника, – например, доказать это на основании знамений, чудес, опасностей, темниц, ежедневных смертей, голода и жажды, наготы и на основании другого подобного этому, но так как он говорит теперь не о лжеапостолах, но об апостолах, – а последние и сами участвовали в этих опасностях, – то он приступает к решению вопроса с другой стороны; в других же случаях, когда он обращает речь свою к лжеапостолам, он употребляет сравнение, выставляя на вид свое терпение в скорбях и говорит: «Христовы служители? (в безумии говорю) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» («Служителие ли Христовы суть? не в мудрости глаголю, паче аз. В трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи») ([2Кор.11:23](#)). Теперь же он рассказывает о своем прежнем образе жизни, и говорит: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» («скажу же вам, братие, благовествование, благовещенное от мене, яко несть по человеку. Ни бо аз от человека приях е, ниже научихся, но явлением Иисус Христовым») ([Гал.1:11–12](#)). Смотри, как он отовсюду представляет доказательства того, что был учеником Христа, Который сам, без посредства человеческого, благоволил открыть ему разумение всего. Но как же возможно доказать неверующим, что сам Бог, без посредства человеческого, открыл тебе те неизреченные тайны? «Это доказывает, – говорит он, – мой прежний образ жизни (и внезапное обращение): ведь если бы не Бог открыл мне эти тайны, я не мог бы так внезапно перемениться». Для тех, кто учится у

людей, в том случае, если они твердо и пламенно держатся своих убеждений, бывает нужно время и много стараний, чтобы убедиться в противном; кто же так внезапно переменялся и, находясь на самой высокой ступени безумия, пришел к такому искреннему сознанию, тем ясно показывает, что он так внезапно возвратился к здравомыслию благодаря божественному откровению и наставлению. Вот почему он и вынужден упомянуть о своей прежней жизни и призвать их во свидетели бывшего с ним. «Конечно, вы не знаете, – говорит он, – того, что едиnorodный Сын Божий непосредственно сам призвал меня (гласом Своим) с небес, – потому что как вы можете знать это, раз вы не были при этом; – но вы хорошо знаете, что я был гонителем. Ведь слух о моей жестокости достиг и до вас, не смотря на громадное расстояние между Палестиною и Галатией; а такой слух обо мне не распространился бы так далеко, если бы моя жестокость не была слишком велика и для всех несносна». Поэтому он и говорит: «Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее» («слышасте бо мое житие иногда в жидовстве, яко по премногу гоних Церковь Божию и разрушах ю») ([Гал.1:13](#)). Видишь ли, с какою силою выражает каждое (слово) и не стыдится? Ведь он не просто гнал, но гнал со всею жестокостью, и не только гнал, но и опустошал, то есть, старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же так свойственно опустошителю.

9. «И преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий» («и преспевах в жидовстве паче многих сверстник моих в роде моем, излиха ревнитель сый отеческих моих преданий») ([Гал.1:14](#)). Чтобы ты не подумал, что такая деятельность его была следствием гнева, он поясняет, что все это он делал по ревности, хотя и в неведении, и гнал не из тщеславия, и не по вражде, но – «будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий» («ревнитель сый отеческих моих преданий»). А слова эти значат следующее: «Если то, что я делал против Церкви, я делал не по побуждениям человеческим, а по ревности божественной, правда, ошибочной, но во всяком случае – ревности, то как же теперь, подвизаясь за Церковь и познав истину, я могу делать это по тщеславию? Ведь если во время заблуждения мною не обладала такая страсть, но побуждала меня к подобному образу действий ревность по Боге, то тем более, когда я познал истину, несправедливо было бы подозревать во мне подобное тщеславие. Действительно, лишь только я обратился к догматам Церкви и отказался от всех иудейских заблуждений, я проявил еще

большую ревность здесь, нежели там, а это служит доказательством того, что я истинно переменился и объят божественной ревностью. Если же не это, то что ж другое, скажи мне, могло расположить меня к такой перемене и променять честь на поношение, покой – на опасности, безопасность – на страдание? Не было никакой другой причины, кроме одной только любви к истине».

«Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» («Егда же благоволи Бог, избравый мя от чрева матери моея и призвавый благодатию Своею, явити Сына Своего во мне, да благовестую Его во языцех, абие не приложихся плоти и крови») ([Гал.1:15–16](#)). Смотри, как он старается здесь показать, что и то время, в продолжение которого он оставался в заблуждении, находилось в зависимости от некоторого неисповедимого усмотрения (Божия). В самом деле, если он от чрева матери своей избран быть апостолом и предназначен к этому служению, призван же после и притом, будучи призван, послушался (Призывающего), то очевидно, что Бог медлил призыванием его по какой-нибудь неисповедимой причине. Какое же могло быть здесь смотрение (Божие)? Может быть, вы сначала от меня хотите услышать, почему (Бог) не призвал его вместе с двенадцатью (апостолами); но, чтобы, отступив от занимающего нас предмета, не продолжить слова далее надлежащего, я умоляю вашу любовь не всему учиться от меня, но и самим исследовать и молить Бога, чтобы Он открыл вам. К тому же об этом было нами сказано нечто и тогда, когда я рассуждал с вами о перемене его имени, и почему он, носивший имя Савла, был назван Павлом; если же вы забыли, то справившись в той книге, узнаете все это. Теперь же по порядку будем продолжать свою речь, и заметим, как он снова показывает, что случившееся с ним не было делом человеческим, но что Бог устроил все относительно его по особенному промыслению.

«И призвавший благодатью Своею» («и призвавый благодатию Своею»). «Бог, – говорит он, – призвал его за его добродетель». «Он есть Мой избранный сосуд, – сказал Он Анании, – чтобы возвещать имя Мое перед народами» («Сосуд избран Ми есть... пронести имя Мое пред языки и царями») ([Деян.9:15](#)), то есть, «он способен для служения и совершения великого дела». Такую причину призывания его указывает (Бог); сам же (апостол) везде приписывает все благодати и неизреченному человеколюбию Божию, говоря так: «Но я помилован не потому, что я способен был или достоин, но для того, чтобы во мне... Он показал все

долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него в жизни вечной» ([1Тим.1:16](#)). Видишь ли высоту смирения? «Для того я, – говорит он, – и помилован, чтобы никто не отчаивался, после того, как худший из всех людей удостоился человеколюбия Божия». Ведь именно это хочет показать он словами: «для того, чтобы во мне... показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него».

«Открыть во мне Сына Своего» («явити Сына Своего во мне»). А Христос в одном месте говорит: «Никто не знает Сына, кроме Отца; и никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» ([Мф.11:27](#)). Видишь ли, что и Отец открывает Сына, и Сын Отца? Тоже самое происходит и по отношению к славе. Сын прославляет Отца и Отец Сына: «Прославь Меня, – говорит Он, – чтобы и Я прославил Тебя»; и еще: «как Я прославил Тебя» ([Ин.17:1, 4](#)). Но почему Он не сказал: «явить Сына Своего мне», но – «во мне»? Для того, чтобы показать, что он не только чрез слова узнал то, что относилось к вере, но и преисполнился Духа Святого, потому что, когда откровение озарило его душу, он имел в себе говорящим и Христа.

«Чтобы я благовествовал Его язычникам» («да благовествую Его во языцех»). Не только самое обращение его к вере, но и призвание (к апостольству) было делом Божиим: «Ведь Он открыл мне Себя с тою целью, чтобы я не только познал Его, но возвестил о Нем и другим». И он не сказал просто – «другим», но: «чтобы я благовествовал Его язычникам» («да благовествую Его во языцех»), уже этим самым предуготовляя немалое основание для своей защиты именно от самого происхождения учеников. Ведь для него не одинаково являлось необходимым проповедовать иудеям и язычникам.

«Я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» («абие не приложихся плоти и крови»). Здесь он указывает на апостолов, называя их по естеству. Но если он говорит это и о всех людях, мы не противоречим и этому.

«И не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам» («ни взыдох во Иерусалим к первейшим мене апостолом») ([Гал.1:17](#)). Если кто будет рассматривать эти слова в отдельности, может подумать, что они исполнены великого хвастовства и совершенно не согласны с духом апостольским. В самом деле, решать что-нибудь самому с собою и никому не открывать своих мыслей – может быть принято за гордость. «Видал ли ты, – сказано, – человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него» («Видех мужа, непщевавша себе мудра быти, упование же иматъ безумный паче его») ([Притч.26:12](#)); и: «Горе тем,

которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!» («горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни») ([Ис.5:21](#)); и сам (Павел) говорит: «не мечтайте о себе» («не бывайте мудри о себе») ([Рим.12:16](#)).

10. Итак, кто слышал подобные наставления от других и сам учил тому же других, не мог, конечно, впасть в такое самомнение, – не только Павел, но и какой-нибудь (простой) человек. Но, как я сказал, это изречение, будучи рассматриваемо в отдельности, может ввести в сомнение и поколебать некоторых из слушателей; если же мы приведем причину, по которой это было сказано, то все будут рукоплескать и удивляться сказавшему. Итак, сделаем это. Ведь не должно рассматривать отдельно взятые слова, так как это повлечет за собою много погрешностей; равным образом не должно исследовать и отдельно взятого изречения, но необходимо обращать внимание на намерение пишущего. И в наших разговорах, если мы не будем употреблять этого способа и доискиваться истинной мысли говорящего, то мы возбудим много недоразумений, и весь смысл речи извратится. Да и что говорить о словах, когда и в делах, раз мы не будем следовать этому правилу, все придет в совершенный беспорядок? В самом деле, и врачи режут тело и рассекают некоторые кости, но то же самое делают часто и разбойники. Какое же было бы несчастье, если бы мы не могли отличить разбойника от врача! Равным образом, человекоубийцы и мученики, предаваемые мучительной смерти, претерпевают одинаковые страдания, но между теми и другими несомненно великое различие. Если же мы не будем соблюдать указанного правила, если будем исследовать одни только дела, не принимая во внимание намерения делающих, то мы не будем в состоянии видеть указанного различия, но назовем человекоубийцами и Илию, и Самуила, и Финееса, а Авраама назовем, пожалуй, и детоубийцею. Исследуем же мысль Павла, с какою он написал эти слова; узнаем цель его и то, каковым он являлся всегда по отношению к апостолам, – и тогда узнаем, с каким намерением он сказал это. Конечно, как это, так и предыдущее он сказал не для того, чтобы восхвалить себя, – как, в самом деле, мог он это сделать, когда и сам себя подвергал проклятию ([Гал.1:8](#))? – но затем, чтобы повсюду сохранить безопасность Евангелия. Так как разрушавшие Церковь говорили, что нужно следовать тем апостолам, которые не запрещают этого, а не Павлу, который это запрещает; а благодаря этому незаметно проникало иудейское заблуждение; то он вынужден был решительно восстать против этого, не думая говорить что-либо худое об апостолах, но желая низложить гордость несправедливо возносящихся. Вот почему он и говорит: «я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» («не

приложихся плоти и крови»). И было бы крайней нелепостью, если бы тот, кто научился от Бога, стал бы советоваться еще с людьми. Кто получает учение от людей, тот вполне справедливо и опять прибегает к советам людей; но тот, кто удостоился того божественного и блаженного слова и научился всему от Того, Кто владеет самым сокровищем мудрости, для чего стал бы еще советоваться с людьми? Такой человек по справедливости должен не учиться у людей, но учить людей. Итак, он сказал эти слова не по гордости, но чтобы показать достоинство своей проповеди. «И не пошел, – говорит он, – в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам» («ни вздох к первейшим мене апостолом»). Так как они говорили, что прочие (апостолы) были и старше его, и призваны прежде его, то поэтому, говорит, он и не пошел к ним. Если бы ему нужно было вступить в соглашение с ними, то Открывший ему слово проповеди повелел бы ему сделать и это.

Итак, что же, он не ходил туда? Конечно, ходил, и не просто, но чтобы узнать нечто от них. Когда же? Когда в городе Антиохии, обнаружившем с самого начала великую ревность к Церкви, возникло недоумение о том же предмете, о котором и мы теперь рассуждаем, и (апостолы) хотели узнать, нужно ли обрезать уверовавших из язычников, или же совсем не следует принуждать их подвергаться тому. Тогда сам Павел и Сила ходили (в Иерусалим). Как же в таком случае он говорит, что не ходил и не советовался? Во-первых, потому, что он не по своей воле ходил туда, но был послан другими; а во-вторых, не для того, чтобы учиться, но чтобы убедить других. А сам он с самого начала держался того мнения, которое впоследствии утвердили и апостолы, – именно, что не должно обрезываться; но так как они до сих пор не считали его достойным доверия и более слушались тех, которые находились в Иерусалиме, то он и ходил туда, не для того, впрочем, чтобы самому узнать что-нибудь большее, но чтобы убедить противников, что и находящиеся в Иерусалиме согласны с этим. Таким образом, он с самого начала видел, что нужно делать, и не имел никакой нужды в учителе; и в том, что апостолы имели утвердить после долгого рассуждения, он непоколебимо был утвержден свыше еще прежде их рассуждения. Лука, изъясняя это, сказал, что у Павла было большое и продолжительное состязание с ними по этому предмету еще прежде путешествия его в Иерусалим ([Деян.15:2](#)). Но так как братьям угодно было узнать об этом (и от остальных апостолов), то он и пошел туда, для них, а не для себя. Если же он говорит: «и не пошел» («ни вздох»), то в объяснение этих слов можно сказать то, что он не ходил туда и в начале своей проповеди, да и тогда, когда ходил туда, ходил не для

того, чтобы учиться. Ведь именно на обе эти мысли указывает он в словах: «не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» («абие не приложихся плоти и крови»). Он не сказал просто: «не стал советоваться» («не приложихся»), но – «тогда же» («абие»). Если же после ходил туда, то не за получением чего-нибудь.

«А пошел в Аравию» («но идох во Аравию») ([Гал.1:17](#)). Смотри, какая пламенная душа! Он старался занять страны еще не возделанные и остававшиеся в диком состоянии. Если бы он оставался вместе с апостолами, не имея ничего, чему бы от них научиться, то остановилось бы дело проповеди, тогда как им надлежало везде распространять учение. Вот почему этот блаженный, пламенея духом, тотчас же приступил к делу учения людей не наученных еще и диких, избрав жизнь многотрудную и сопряженную со многими опасностями.

11. И смотри, какое у него смирение! Сказав: «пошел в Аравию» («идох во Аравию»), он прибавил: «и опять возвратился в Дамаск» («и паки возвратихся в Дамаск»). Он не говорит ничего ни о своих подвигах, ни о том, кого и скольких он научил, между тем как тотчас по крещении обнаружил такую ревность, что смутил иудеев и возбудил к себе такую ненависть как в них, так и в язычниках, что они подстерегали его и хотели умертвить; а этого не случилось бы, если бы он не приобрел великого множества верующих. Так как они были побеждены учением его, то им и оставалось только обратиться к убийству, а это было ясным доказательством победы Павла. Но Христос не попустил ему умереть, сохраняя его для проповеди. И несмотря на это, он ничего не говорит об этих своих подвигах, а потому все, что он ни говорит, он говорит не из честолюбия и не для того, чтобы его считали бóльшим в сравнении с другими апостолами; а равно и не потому, чтобы он огорчился тем, что его унижают пред ними, но из опасения, чтобы отсюда не произошло какого-нибудь вреда для проповеди. Ведь он сам называет себя и извергом, и первым из грешников, и последним из апостолов, и даже недостойным такого названия ([1Кор.15:8–9](#); [1Тим.1:15](#)); и это говорит тот, кто потрудился больше всех, – что является особенным доказательством его смирения. В самом деле, кто, не признавая за собою ничего доброго, говорит о себе смиренно, тот, конечно, благограумен, но его нельзя назвать смиренным; кто же, несмотря на столько венцов, говорит о себе так, тот умеет быть скромным.

«И опять возвратился, – говорит он, – в Дамаск» («и паки возвратихся в Дамаск»). И как много, по всей вероятности, он совершил там! Об этом городе он говорит, что этнарх (областной правитель) царя Ареты стерег

этот город, желая схватить блаженного ([2Кор.11:32](#)); а это служило самым явным доказательством того, что он весьма сильно нападал там на иудеев. Но здесь он ничего не говорит об этом, да и там он не упомянул бы об этом, если бы не видел, что в то время самые обстоятельства требуют этого рассказа; но умолчал бы точно так же, как и здесь: говоря о том, что он приходил и ушел, он ничего более не говорит о том, что было там.

«Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видетсья с Петром» («Потом же по триех летех вздох во Иерусалим соглядати Петра») ([Гал.1:18](#)). Что может быть смиреннее подобной души? После столь великих и столь многих подвигов, не имея никакой нужды в Петре, ни в его слове, но будучи равночестен ему, – больше ничего не скажу пока, – он все-таки приходит к нему, как бы к большему и старейшему, и причиною путешествия туда указывает только то, чтобы увидетсья с Петром. Видишь ли, как он воздаст прочим апостолам должную честь и не только не считает себя лучше их, но даже и не равняет себя с ними? И это ясно видно из предпринятого им путешествия. В самом деле, подобно тому как в настоящее время многие из наших братьев отправляются к святым мужам, точно так же и Павел потому же расположению ходил тогда к Петру, но только с гораздо большим смирением. В настоящее время предпринимают путешествия для пользы, а блаженный (Павел) отправился не для того, чтобы чему-нибудь научиться и не для исправления какой-нибудь своей погрешности, но исключительно ради того, чтобы видеть (Петра) и почтить его своим присутствием: «видетсья, – говорит он, – с Петром» («соглядати Петра»). И не сказал – «видеть Петра», но «видетсья¹ с Петром» (т. е. узнать его), как обыкновенно говорят люди, рассматривающие великие и знатные города. Так он считал достойным особенного старания и одно то, чтобы видеть этого мужа. То же самое ясно показывают и дела его. Действительно, когда он пришел в Иерусалим после того, как обратил многих из язычников и совершил такие дела, каких не совершил никто из других (апостолов), после того, как обратил Памфимлию, Ликаонию, народ Киликийский и всех живущих в этой части земли и привел их ко Христу, – он сначала приходит к Иакову с великим смирением, как бы к старшему и почтенному большею честью. Затем он выслушивает его советы, и притом противные тому, что сам он говорит теперь. «Видишь ли, брат, – сказал (Иаков), – сколько тысяч уверовавших иудеев. ...Но остриги себе волосы и ...очистись» ([Деян.21:20, 24](#)), – и он остригся и совершил все иудейские обычаи. Там, где не было вреда для благовестия, он являлся уступчивее всех; где же он видел, что от уступчивости произойдет для некоторых вред, он не пользовался этим

преизбытком смирения, потому что это уже не значило бы быть смиренным, но губить и развращать наставляемых.

«И пробыл у него дней пятнадцать» («И пребых у него дний пятнадесять»). Предпринятое путешествие (ради Петра) было доказательством великого уважения к нему (Павла), пребывание же в течение стольких дней показывало дружественное расположение и искреннюю любовь их между собою.

«Другого же из Апостолов я не видел *никого*, кроме Иакова, брата Господня» («Иного же от апостол не видех, токмо Иакова брата Господня») ([Гал.1:19](#)). Смотри, какое великое расположение имеет он к Петру: ради него он предпринял путешествие, у него и пребывал. Говорю же об этом я так часто и желаю сохранить это у вас в памяти для того, чтобы, когда вы услышите слова, произнесенные, по-видимому, против Петра, никто из вас не подозревал апостола. В предупреждение этого он и сам говорит о посещении Петра, чтобы, когда он скажет: «я противостал Петру» ([Гал.2:11](#)), никто не считал этих слов проявлением вражды и соревнования; и действительно, он почитает этого мужа и любит больше всех. Ведь и в Иерусалим пришел он, по его словам, не ради кого-нибудь другого из апостолов, но единственно ради него. «Другого же из Апостолов я не видел...», – говорит он, – кроме Иакова, брата Господня» («Иного же от апостол не видех, токмо Иакова»). «Видел, – говорит, – но не учился у него ничему». Но заметь, с каким почтением наименовал он и этого. Не сказал он просто – «Иакова», но прибавил и достославное наименование его – «брата Господня», – так он был чужд какой бы то ни было зависти! Если бы он хотел только указать на того, о ком говорил, то мог бы сделать это понятным, употребив другой отличительный признак, и назвать его сыном Клеопы, как сказал и Евангелист ([Ин.19:25](#)). Однако он не сказал так, но так как считал почетные наименования апостолов и своими наименованиями, то, как бы превознося себя самого, так величает и его. Ведь он не назвал его так, как я сказал, но как же? Братом Господним. Хотя он и не был на самом деле братом Господним по плоти, но лишь считался таковым, однако и это не остановило (апостола) признать достоинство этого мужа. Да и во многих других местах он показывает, что был расположен ко всем апостолам так искренно, как ему было прилично.

«А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» «(А яже пишу вам, се пред Богом, яко не лгу») ([Гал.1:20](#)). Видишь ли смирение этой святой души, одинаково сияющее повсюду? Он, как бы состязаясь на судилище и готовясь подвергнуться истязанию, заботился о подобном защищении себя.

«После сего отошел я в страны Сирии и Киликии» («Потом же приидох в страны Сирския и Киликийския») ([Гал.1:21](#)), – после свидания с Петром. Снова начинает он слово проповеди и предлежащий подвиг, не касаясь иудеев, как потому, что был послан к язычникам, так и потому, что не хотел строить на чужом основании. Вот почему он не встречался, даже и случайно, с другими апостолами; это ясно видно и из дальнейших слов.

«Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, – говорит он, – а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял» («Бех же не знаем лицем Церквам Иудейским... Точию же слышаще бяху, яко гоняй нас иногда, ныне благовествует веру, юже иногда разрушаше») ([Гал.1:22–23](#)). Что может быть скромнее такой души? В самом деле, все, что служило к его обвинению, как, напр., то, что он гнал Церковь и опустошал ее, он изложил с особенною силою и подробностью, обнаруживая таким образом свою прежнюю жизнь; а то, что могло выставить его с светлой стороны, обходит (молчанием). И имея возможность, если бы захотел, пересказать все свои подвиги, он не говорит ни об одном из них, но, перешедши одним словом неизмеримое море и сказав: «отошел я в страны Сирии и Киликии» («приидох в страны Сирския и Киликийския»), и: «слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял» («слышаще бяху, яко гоняй нас иногда, ныне благовествует веру, юже иногда разрушаше»), ничего более не прибавил. Что же он хотел сказать словами: «Церквам... в Иудее лично я не был известен» («не знаем бех церквам Иудейским»)? (Хотел), чтобы ты знал, что он так далек был от того, чтобы проповедовать им обрезание, что даже и в лицо не был известен им.

«И прославляли за меня Бога» («и славяху о мне Бога») ([Гал.1:24](#)). Заметь и здесь правило его смирения, и с какою строгостью он выполняет его. Он не сказал: «дивились мне, хвалили меня, изумлялись мне», но показал, что все это было делом благодати. «И прославили, – говорит он, – за меня Бога».

Глава 2

([Гал.2:1-2](#)) Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению.

Чем ложные апостолы отличаются от истинных. – Почему Павел обрезал Тимофея. – Благоразумие Павла. – О состязании между Павлом и Петром. – Против христиан, соблюдающих ветхий закон.

Причиною первого восхождения в Иерусалим служил, по его словам, Петр и свидание с ним, а причиною второго – откровение Духа.

«И предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался» («И предложих им благовествование, еже проповедую во языцех, наедине же мнимым, да не како вотще теку, или текох») ([Гал.2:2](#)). Что ты говоришь, Павел? Не решившись предложить сначала или через три года, как же по прошествии четырнадцати лет ты спрашиваешь, не напрасно ли подвигаешься? Насколько бы было лучше тотчас в самом начале сделать это, нежели после стольких лет? Зачем же ты и подвизался, если не был уверен, что не напрасно подвизался? Кто может быть настолько неразумен, чтобы проповедовать в течение стольких лет, не зная, хорошо ли он проповедует? А еще непонятнее этого то, что он ходил, как говорит, по откровению. Впрочем, хотя это и непонятнее первого, как я сказал, но оно может дать нам объяснение и того. Ведь если бы он и по собственному побуждению ходил, то и в таком случае трудно объяснить его поступок, потому что невозможно допустить, чтобы эта блаженная душа впала в такое безрассудство, а он сам говорит: «И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух» («такое теку, не яко безвестно, тако подвигаюся, не яко воздух бияй») ([1Кор.9:26](#)). Итак, если (ты бежишь) не на неверное, то как же говоришь: «не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался» («да не како вотще теку, или текох»)? Отсюда ясно, что если бы он ходил и без откровения, то и тогда поступил бы так, как свойственно только неразумным; только тогда сделанное им не так было бы неуместно; когда же и благодать Духа влечет его, то кто уже осмелится подозревать его в чем-нибудь подобном? Поэтому-то он и присовокупил: «по откровению», чтобы ты прежде разрешения вопроса не осудил его в неразумии, зная, что сделанное им было не человеческим делом, но делом божественного промысла, предуграивающего и настоящее, и будущее. Итак, какая же причина этого путешествия его?

Подобно тому как тогда, когда он в первый раз приходил из Антиохии в Иерусалим, он приходил не для себя, – потому что он сам ясно знал, что без всякого изменения должно следовать учению Христа, но для того, чтобы примирить между собою препирающихся, – точно так же и ныне он ходил не потому, что имел нужду узнать, не напрасно ли он подвизался, но для того чтобы вполне убедить тех, которые обвиняли его. Так как последние были более высокого мнения о Петре и Иоанне и думали, что он не согласуется с ними, так как проповедовал Евангелие без обрезания, а те допускали таковое, и так как они думали, что в этом случае он поступает против закона и напрасно подвизается, то он и говорит поэтому: «Я ходил и сообщил им благовествование не для того, чтобы самому научиться чему-нибудь от них от них, – о чем яснее говорит ниже, – но для того, чтобы вразумить тех, которые подозревали это, что я не напрасно подвизаюсь». А Дух, предвидя это состязание, и расположил его идти (в Иерусалим) и сообщить там свое учение. Вот почему он и говорит: «ходил по откровению», и взял с собою Варнаву и Тита, чтобы они были свидетелями его проповеди.

«И предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам», – т. е. без обрезания («И предложих им благовествование, еже проповедую во языцех наедине же мнимым»). Что значит – «особо» («наедине»)? Ведь кто желает исправить общие догматы, тот не наедине, но пред всеми излагает их. Но не так поступил Павел, так как он желал не научиться чему-нибудь или исправить, но отнять повод к обману у тех, которые хотели обмануть других. Так как в Иерусалиме все соблазнялись, если кто допускал отступление от закона и возбранял употреблять обрезание, – вот почему (Иаков) и сказал: «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они... о тебе наслышались, что ты всех... учишь отступлению от Моисея» («видиши ли, брате, колико тем... веровавших, и вси они... увестишася... о тебе, яко отступлению от закона учиши») ([Деян.21:20–21](#)). Так как, повторяю, соблазнялись, то он и не решился придти открыто и изложить пред всеми свою проповедь, но предложил «особо знаменитейшим» («наедине мнимым»), при Варнаве и Тите, чтобы они были достоверными свидетелями пред обвинителями его, что и апостолы не нашли противную проповедь его, но напротив, подтвердили ее. Когда же говорит: «знаменитейшим» («мнимым»), то говорит это не для того, чтобы лишить их принадлежащего им достоинства, так как и о себе говорит: «думаю, и я имею Духа Божия» («мнюся бо и аз Духа Божия имети») ([1Кор.7:40](#)), что означает просто умеряющего свое достоинство человека, а не отрицающего в себе то, что

имеет точно так же и здесь: говоря – «знаменитейшим» («мнимым»), говорит это по общему о них мнению и своему.

«Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться» («Но ни Тит иже со мною, Еллин сый, нужден бысть обрезатися») ([Гал.2:3](#)). Что значит – «хотя и Еллина» («Еллин сый»)? Значит – «(Тит) был из эллинов и необрезанный». «Не только я, – говорит, – так проповедовал, но и Тит поступал точно так же, и апостолы не принуждали его, необрезанного, обрезываться». Это служило самым верным доказательством, что апостолы не осуждали учения Павла или его дел. А что еще более важно – было доказательством того, что и тогда, когда противники, узнавши об этом, настаивали на обрезании, они не могли принудить апостолов приказать сделать это, – на что именно он и указывал словами: «вкравшимся лжебратиям» («и за пришедшую лжебратию») ([Гал.2:4](#)). Кто же эти лжебратия? Это требует здесь немало исследования. Ведь если апостолы допускали здесь обрезание, то почему ты называешь лжебратиями тех, которые согласно со мнением апостолов и сами приказывали делать это? Во-первых, потому, что не одно и то же – требовать что-нибудь делать, и допускать делаемое. В самом деле, кто приказывает, тот настаивает на этом как на необходимом и важном, а кто хотя не требует сам, но не возбраняет желающему, тот допускает известное действие, не как необходимо должное, но по особенному какому-нибудь соображению. Скажу, например: Павел писал коринфянам и повелевал женам и мужам опять жить вместе ([1 Кор. 7:5](#)).

2. Но чтобы ты не подумал, что он налагает на них закон этими словами, он прибавил: «Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление» («сие же глаголю по совету, [а] не по повелению») ([1Кор.7:6](#)), потому что это означало не решительный приговор его, но снисхождение к их невоздержанию. Поэтому и говорит: «чрез невоздержание ваше» ([1Кор.7:5](#)). Если же ты желаешь знать мнение Павла об этом, то послушай, что он говорит: «желаю, чтобы все люди были, как и я» («хощу, да вси человецы будут, якоже и аз»), – в воздержании ([1 Кор.7:7](#)). Точно так же и здесь – апостолы допускали обрезание не как защитники закона, но по снисхождению к немощи иудеев. Действительно, если бы они защищали закон, то не стали бы проповедовать иудеям так, а язычникам иначе; и если что необходимо было делать по закону Христову неверным, то очевидно, что это же нужно было делать и всем верным. Если же они постановили законом не отягощать этим (обрезанием) язычников, то показали тем, что и иудеям они дозволяли его только по снисхождению.

Но лжебратия делали это не по такому побуждению, а для того, чтобы

отторгнуть верующих от благодати и снова подчинить их под иго рабства. Это – первое различие, полагающее великое расстояние между апостолами и лжебратиями. Второе же то, что апостолы делали это в Иудее, где и закон еще имел силу, а лжебратия делали это повсюду, так как хотели поработить и всех галатов. Отсюда ясно, что это делалось не для созидания, но для совершенного разрушения. И притом, с иным намерением допускали это апостолы, и с иным принуждали к тому лжебратия.

«Скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе» («Иже привнидоша соглядати свободы нашея, юже имамамы о Христе Иисусе») ([Гал.2:4](#)). Видишь ли, как названием соглядатаев он выразил неприязнь их? Действительно, соглядатаи входят только для того, чтобы, разузнавши дела противников, приготовить себе удобнейшие средства к поражению и уничтожению их; так же поступали тогда и лжебратия, желая подчинить галатов ветхозаветному рабству. Таким образом, и отсюда ясно, что намерение апостолов и лжебратий было не одно и то же, но, напротив, совершенно противоположно. Первые допускали снисхождение для того, чтобы мало-помалу вывести из рабства; последние же устанавливали это, чтобы подвергнуть еще большему рабству. Поэтому они тщательно подсматривали и наблюдали, кто был обрезан, – как и Павел, указывая на это, сказал: «приходившим подсмотреть за нашею свободою» («привнидоша соглядати свободы нашея»), обнаруживая коварство их не только названием соглядатаев, но и тем, что они приходили тайно и скрытным образом.

«Мы ни на час не уступили и не покорились» («Имже ни к часу повинухомся в покорение») ([Гал.2:5](#)). Заметь высоту и выразительность этих слов. Не сказал – «послушали» (в слове), но – «покорились» («в покорение»), потому что те делали это не для того, чтобы научить чему-нибудь полезному, но чтобы подчинить и поработить себе. «Поэтому, – говорит, – апостолам мы уступили, а тем – нет».

«Дабы истина благовествования сохранилась у вас» («да истина благовестия пребудет в вас») ([Гал.2:5](#)). «Чтобы то, – говорит, – чему мы учили словами, подтвердить делами, а именно, что древнее прошло и стало все новое, что кто во Христе, *тот* новая тварь («аще кто во Христе, нова тварь») ([2Кор.5:17](#)) и что обрезывающимся не будет никакой пользы от Христа ([Гал.5:2, 6:15](#)). Утверждая эту истину, мы ни на час не уступили (им)». Но так как против него сейчас же говорили поступки апостолов, и поэтому некоторые естественно могли сказать: «как же они повелевают это?» – то смотри, как мудро решает он это возражение. Он не указывает истинной причины, именно – что апостолы делали это по снисхождению и

по особому соображению, так как это могло бы повредить слушателям. Ведь не нужно знать причины действия тем, которые благодаря ему имеют получить какую-нибудь пользу, потому что если откроется причина того, что делается, то все разрушится. Поэтому только тот, кто делает, должен знать причину действия, те же, для которых готовится польза чрез это, не должны знать этой причины. А чтобы сделать более понятным то, что я говорю, я представлю пример из этого же самого предмета. Сам этот блаженный Павел, отменяющий обрезание, когда хотел послать Тимофея учителем к иудеям, сначала обрезал его, и тогда уже послал ([Деян.16:3](#)).

Это сделал он для того, чтобы слушатели имели более доверия к Тимофею, и он пришел к ним обрезанный, чтобы уничтожить обрезание. И сам он, а также и Тимофей, знал причину этого дела, но ученикам не сказал. Действительно, если бы они узнали, что он обрезался для того, чтобы уничтожить обрезание, то совершенно не стали бы слушать его проповеди, и погибла бы вся польза, а теперь неведение принесло им величайшую пользу. Полагая, конечно, что он сделал это, как хранитель закона, они благосклонно и охотно принимали и его и его учение. А принимая мало-помалу его учение и утверждаясь в нем, они оставили древнее, чего не случилось бы, если бы они в самом начале узнали причину. В самом деле, если бы они узнали это, то стали бы отвращаться от него, а отвращаясь, не стали бы слушать, не слушая же, остались бы в прежнем заблуждении. А чтобы не случилось последнего, он и не открыл причины. Вот почему и здесь он не открывает причины такого действия, но другим путем ведет свое слово, говоря так: «И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека» («от мнящихся же быти что, якови некогда беша, ничтоже ми разнствует: лица Бог человека не приемлет») ([Гал.2:6](#)). Здесь он не только не защищает апостолов, но и сильно говорит против этих святых, чтобы доставить пользу немощным. Слова же его имеют такое значение: «Если они и допускают обрезание, то они же дадут и ответ Богу. Ведь Бог, за то только, что они почитаются великими и верховными, не уважит лица их». Впрочем, он сказал не так откровенно, но с осторожностью. В самом деле, он не сказал: «Если они повреждают проповедь и проповедуют не так, как заповедано, то дадут ответ на последнем суде и понесут тяжкое наказание»; ничего подобного не сказал он, но, кажется, гораздо почтительнее касается их, говоря так: «И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо» («от мнящихся же быти что, якови некогда беша»). И не сказал: «каковы они теперь», но – «были» («беша»), показывая этим, что и они перестали после так

проповедовать, когда повсюду воссиял свет проповеди. Словами же: «какими бы ни были они когда-либо» («якови некогда беша»), говорит: «Если они так проповедовали, то сами дадут ответ. И не пред людьми, но пред Богом они дадут ответ».

3. Говорил же он это не потому, чтобы сомневался в них или не знал их намерений, но, как я сказал, потому, что считал более полезным так вести свое слово. Потом, чтобы не подумали, что он держится противного пути, обвиняя их, и тем не подать повода к разделению, он тотчас исправил свою речь, сказав: «И знаменитые не возложили на меня ничего более» («мне бо мнимии ничтоже привозложиша») ([Гал.2:6](#)). Что же это значит? «Что говорите вы, того, – говорит он, – я не знаю; а, между тем, достоверно знаю то, что они не противоречили мне, напротив, были единомышленны и согласны со мною», – ведь это именно показывает он словами: «подали мне... руку общения» («десницы даша») ([Гал.2:9](#)). Но пока он не говорит этого, а говорит только, что они ничему не учили его, ничего не поправляли и ничего не прибавили к тому, что он знал. «И знаменитые, – говорит он, – не возложили на меня ничего более» («Мне бо мнимии ничтоже привозложиша»). Это значит: «Узнавши мое учение, они ничего не прибавили к нему, ничего не исправили, и это несмотря на то, что они знали, что я пришел для того, чтобы сообщить им мое учение, притом пришел по откровению Духа, чтобы сообщить это, и привел с собою необрезанного Тита; но они ни мне ничего не сказали большего того, что я знал, ни Тита не обрезали».

«Напротив того...» («Но сопротивное») ([Гал.2:7](#)). Что же значит – «напротив того» («сопротивное»)? Некоторые думают, что этим он хотел сказать, что (апостолы) не только ничему не научили его, но еще и сами научились от него; но я не скажу этого. В самом деле, чему бы еще они стали учиться у него? Ведь каждый из них был совершен. Итак, не это хочет сказать он словом «напротив того» («сопротивное»), но то, что они не только не укоряли его, а напротив, были так далеки от порицаний, что еще и одобрили его, потому что противоположное порицанию есть одобрение. Но против этого некоторые могли сейчас же сказать: «Если они одобрили, то почему в таком случае не отменили обрезание? Ведь если одобрили, то надлежало отменить его». Но сказать, что отменили, он считал слишком нескромным, и думал, что этим он возбудит открытую борьбу против (апостольского) исповедания. С другой стороны, он видел, что открыто признать, что необходимо допускать обрезание – значит встретить другое возражение. «Если они одобрили твою проповедь, – сказали бы тогда, – а сами допускали обрезание, то в таком случае они

сами противоречили себе». Как же разрешить это затруднение? Он мог, конечно, сказать, что (апостолы) сделали это (дозволили обрезание) по снисхождению к иудеям; но, сказав это, он поколебал бы все основание их мудрого устройства. Вот почему он и не говорит этого, но оставляет это под сомнением и нерешенным, сказав только: «И в знаменитых чем-либо... для меня нет ничего особенного» («от мнящихся же быти что,... ничтоже ми разнствует») ([Гал.2:6](#)), как бы говоря тем: «я не осуждаю и не оговариваю этих святых; они сами знают, что делали, так как должны дать ответ Богу; предмет же моей заботы – доказать только то, что они не отвергли моего учения, и не поправляли его, и не прибавили к нему ничего, как будто бы в нем чего-нибудь не доставало, но напротив, одобрили его и подтвердили своим согласием, и свидетелями этого я имею Тита и Варнаву». Поэтому он и говорит далее: «увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных» («уразумевше, яко уверено ми бысть благовестие необрезания, якоже Петру обрезания») ([Гал.2:7](#)), разумея под обрезанием и необрезанием не самое дело, но народы, различающиеся этим между собою. Действительно, далее он и говорит: «ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников» («ибо споспешествовавший Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки») ([Гал.2:8](#)). Итак, подобно тому, как необрезанием он называет язычников, так обрезанием – иудеев. При этом показывает, что он имеет равную честь (с апостолами) и сравнивает себя не с кем-нибудь другим из них, но с первоверховным, показывая этим, что каждый из них получил равное достоинство. Представив же доказательство своего единомыслия (с апостолами), он уже смело и свободно продолжает свою беседу и не останавливается уже только на одних апостолах, но возводит слово свое даже до Христа и благодати (апостольства), данной ему Христом, называя свидетелями этого самих апостолов, и говорит: «о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения» («познавше благодать Господа, данную ми, Иаков и Кифа, и Иоанн, мнимии столпи быти, десницы даша мне и Варнаве общения») ([Гал.2:9](#)). И не сказал: «услышав», но – «узнав» («познавше»), т. е. убедившись из самых дел, «подали мне и Варнаве руку общения» («десницы даша мне и Варнаве общения»). Видишь ли, как он мало-помалу показал, что его проповедание угодно и Христу, и апостолам? В самом деле, благодать не была бы дана ему и не действовала бы в нем, если бы подобное проповедание не было угодно (Христу). И где ему нужно было сравнивать себя, там он упоминает об одном только Петре, а где надлежало

представить свидетельство, там называет троих вместе, и притом с похвалою, говоря: «Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами» («Кифа и Иаков, и Иоанн, мнимии столпи быти»). И опять, словом «почитаемые» («мнимии») он не отвергает того, что они действительно были таковы, но приводит мнение и других, и говорит, что «те великие и славные, которых все повсюду превозносят, сами являются свидетелями того, что говорю я, а именно, что это угодно и Христу; что в истине этого они убедились из самых дел и уверились в том из самого опыта. Вот почему они и подали мне руку (общения), и не только мне, но и Варнаве, «чтобы нам *идти* к язычникам, а им к обрезанным» («да мы во языки, они же во обрезание») ([Гал.2:9](#)).

Какое богатство разума и непререкаемое доказательство согласия! Он показывает, что их учение было согласно с его учением, и его учение было согласно с их учением. Той и другой стороне угодно было то же самое, – чтобы они проповедовали так иудеям, а он так язычникам, а потому и прибавил: «чтобы нам *идти* к язычникам, а им к обрезанным» («да мы во языки, они же во обрезание»). Видишь ли, что обрезанием он называет здесь не самое дело, а иудеев? Когда он говорит о самом действии обрезания, то, желая показать его отличие, противопоставляет ему необрезание, например, когда говорит: «Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием» («обрезание бо пользует, аще закон твориши: аще же закона преступник еси, обрезание твое необрезание бысть») ([Рим.2:25](#)); или еще: «не имеет силы ни обрезание, ни необрезание» («ни обрезание что может, ни необрезание») ([Гал.5:6](#)). Когда же он так называет иудеев и хочет обозначить этим словом не самое дело, а народ, то противопоставляет ему не необрезание, а язычников. Язычникам противопоставляются иудеи, а обрезанию – необрезание, как, например, когда он и выше говорит: «ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников» («ибо споспешествовавший Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки»), или еще здесь: «нам *идти* к язычникам, а им к обрезанным» («мы во языки, они же во обрезание»), – он понимает не самое дело, но называет этим словом народ иудейский, противопоставляя его язычникам.

4. «Только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности» («Точию нищих да помнима, еже и потщахся сие истое сотворити») ([Гал.2:10](#)). Что же значат эти слова? «В деле проповеди, – говорит он, – мы разделили между собою вселенную: я взял язычников, а они – иудеев, как то угодно было Богу; в попечении же о нищих из иудеев

и я оказывал им помощь. Поэтому, если бы между нами было несогласие и распря, то они не приняли бы моего участия». Что же это за нищие? Многие из уверовавших иудеев в Палестине, которые лишились всего имущества и повсюду были гонимы. На это указывает он в послании к Евреям, когда говорит: «и расхищение имения вашего приняли с радостью» («и разграбление имений ваших с радостью приясте») ([Евр.10:34](#)); на то же указывает и в послании к Фессалоникийцам, когда восхваляет их мужество: «вы..., – говорит он, – сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев» («вы бо подобницы бысте... церквам Божиим сущим во Иудеи..., зане и вы таяжде пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от иудей») ([1Сол.2:14](#)). Да и повсюду он показывает, что уверовавшие из язычников не так были преследуемы оставшимися в язычестве, как были гонимы уверовавшие из иудеев своими единоплеменниками, потому что иудеи – самый жестокий народ из всех народов. Вот почему (апостолы) так много заботятся о верующих из иудеев, проявляя по отношению к ним все свое усердие, да и (сам апостол Павел) пишет о них и к римлянам и к коринфянам. И он не только собирает для них деньги, но и сам относит их ([1Кор.16](#)), и говорит: «А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым» («ныне же гряду во Иерусалим, служаи святым») ([Рим.15:25](#)), так как они нуждались и в самой необходимой пище. Так и здесь, указывая на это, говорит, что ему поручено было помогать им в этой нужде, и он принял это поручение и не уклонился от него. Показав таким образом свое согласие и единомыслие (с апостолами), он далее находит нужным упомянуть и о разговоре своем с Петром, происходившем в Антиохии, и говорит: «Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных» («егда же прииде Петр во Антиохию, в лице ему противустах, яко зазорен бе. Прежде бо даже не приити неким от Иакова, с языки ядыше: егда же приидоша, опряташесе и отлучашесе, бояся сущих от обрезания») ([Гал.2:11-12](#)).

Многие, читая эти слова послания без должного внимания, думают, что Павел обличает ими лицемерие Петра; но это совершенно не так, этого допустить невозможно, так как мы найдем здесь великое благоразумие и Петра и Павла, сокровенно направленное в пользу слушателей. Но прежде необходимо сказать о дерзновении Петра и о том, как он всегда предварял всех учеников (Христовых). Благодаря этому он получил и имя свое за

твердую и непоколебимую веру: когда были спрашиваемы все вообще, он, предварив других, отвечает: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» («Ты еси Христос, Сын Бога живаго») ([Мф.16:16](#)), за что ему тогда вверены были и ключи царства небесного. Точно также и на горе он один является говорящим, и когда (Господь) беседовал о кресте, и все другие молчали, он один сказал: «будь милостив к Себе» ([Мф.16:22](#)). И хотя эти слова не были плодом зрелого рассуждения, все же они происходили от пламенной любви. Да и везде мы видим его более ревностным, чем другие, и предваряющим других в опасностях. Так, когда (Господь) явился ученикам на берегу, он, в то время как другие спешили к берегу на судне, не был в состоянии дожидаться, пока судно придет к берегу; да и после воскресения (Господа), когда иудеи, дыша убийством и неистовствуя, искали истребить (учеников), он первый выступив осмелился, возвысил голос и сказал, что Распятый восстал и находится на небесах. Но не одно и то же отверзть заключенные двери и положить начало делу, – и потом продолжать начатое с тою же смелостью. Итак, каким образом могло бы случиться, что тот, кто отдал душу свою в руки такого множества народа, стал бы потом когда-нибудь лицемерить? Кто, несмотря на то, что подвергался бичеванию и узам, не согласился несколько уступить своего дерзновения, и притом в самом начале проповеди, в центре столицы, где угрожала ему столь великая опасность, – как мог такой человек бояться уверовавших из иудеев спустя столько уже времени и в Антиохии, где не было и никакой опасности, и после уже того, как он приобрел великую славу и засвидетельствовал ее такими делами? Кто не страшился самих иудеев и притом в самом начале и в столице их, как, по прошествии такого уже времени и, находясь в чужом городе, стал бы бояться тех, которые отделились (от иудеев)? Итак, Павел говорит это не против Петра; но говорит это с тем же самым намерением, с каким сказал: «И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного» («от мнящихся же быти что, якови некогда беша, ничтоже ми разнствует») ([Гал.2:6](#)). Впрочем, чтобы нам долее не оставаться в сомнении относительно этого, необходимо раскрыть причину сказанного. Апостолы, как я сказал выше, позволяли в Иерусалиме обрезание; так как невозможно было вдруг отвлечь от закона; но когда они пришли в Антиохию, то ничего подобного не соблюдали уже, но жили одинаково с верующими из язычников; так, без сомнения, поступал тогда и Петр. Когда же пришли из Иерусалима знавшие, что он проповедовал там иначе, то он перестал поступать по-язычески, боясь оскорбить их, и изменил образ жизни, имея в виду две цели: чтобы не привести в соблазн верующих из

иудеев, и чтобы Павлу доставить благовидный случай для обличения. Ведь если бы тот, кто проповедовал в Иерусалиме, не отвергая обрезания, изменил свой образ мысли в Антиохии, то верующие из иудеев подумали бы, что он поступает так из страха пред Павлом, и ученики осудили бы его в крайнем легкомыслии, а это могло бы явиться немалым соблазном. Впрочем, своей переменной он не подал бы такого подозрения Павлу, так как последнему, ясно знавшему все, было известно и намерение, с которым так действовал Петр. Вот почему Павел обличает, а Петр переносит это, чтоб ученики, видя молчание учителя, несмотря на сделанный ему выговор, тем легче могли изменить свой образ мыслей. Если бы Павел не при таких обстоятельствах стал увещевать их, он не произвел бы ничего важного; теперь же, воспользовавшись удобным случаем для строгого обличения, он внушил гораздо больший страх ученикам Петра. А если бы Петр, выслушав обличение, стал противоречить, то кто-нибудь справедливо мог бы обвинять его в том, что он извращает строение спасения; теперь же, когда один обличает, а другой молчит, верующие из иудеев поражены были великим страхом. Вот для чего он так сильно и обличает Петра.

5. И смотри, с какою осмотрительностью говорит он, давая заметить благоразумным, что слова его не были делом раздора, но делом мудрого усмотрения. «Когда же, – говорит, – Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию» («Егда же прииде Петр во Антиохию, в лице ему противустах, яко зазорен бе»). Не сказал – «подвергался нареканию от меня», но – «от других». А если бы и сам (Павел) осуждал его, то не усомнился бы сказать это. Слова же его: «я лично противостал ему» («в лице ему противустах») являются лишь образным выражением. Если бы они в самом деле были не согласны между собою, то, конечно, не стали бы обличать друг друга в присутствии учеников, так как этим они подали бы большой соблазн; теперь же это кажущееся несогласие было полезно. И как Павел уступил (апостолам) в Иерусалиме, так и они ему в Антиохии. В чем же состояло пререkanie? «Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, (а последний и сам был учителем в Иерусалиме) ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных» («Прежде бо даже не приити неким от Иакова, с языки ядыше: егда же приидоша, опряташесе и отлучашесе, бояся сущих от обрезания») ([Гал.2:12](#)); не того боялся, чтобы не подвергнуться опасности самому, – в самом деле, тот, кто не боялся в начале, тем более не мог бояться теперь, – но для того, чтобы не отпали (ученики), так как он и сам говорит галатам: «Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас»

(«боюсь о вас, еда како все трудихся») ([Гал.4:11](#)), и еще коринфянам: «Боюсь, чтобы, как змий... прельстил Еву, так и ваши умы не повредились» ([2Кор.11:3](#)). Ведь страх смерти ничего не значил для них, но страх погибели учеников сильно поражал души их.

«Так что даже Варнава был увлечен их лицемерием» («яко и Варнаве пристати лицемерству их») ([Гал.2:13](#)). Не удивляйся тому, что поступок (Петра) он называет лицемерием, потому что, как я сказал уже, он не хочет открывать намерения для того чтобы (иудеи) исправились. Так как они сильно привязаны были к закону, то ввиду этого он и называет поступок (Петра) лицемерием, и так сильно обличает его, чтобы совершенно уничтожить укоренившееся в них предубеждение. А Петр, слыша это, также показывает вид, как будто он действительно виновен, для того, чтобы благодаря сделанному ему порицанию (уверовавшие из иудеев) исправились. Если бы Павел стал обличать самих верующих из иудеев, то они с презрением и негодованием отвергли бы его обличение, так как еще не питали к нему большого уважения; теперь же, видя, что учитель их, будучи обличаем, молчит, они не могли ни пренебречь, ни противоречить тому, что говорил (Павел).

«Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской» («Но егда видех, яко не право ходят ко истине благовествования») ([Гал.2:14](#)). Пусть не смущают вас и эти слова, так как он говорит их не в обличение Петру, но придает такой вид словам, чтобы они, будучи выслушаны, принесли пользу тем, которые чрез обличение Петра должны были стать лучшими.

«Сказал Петру при всех» («рекох Петру пред всеми»). Видишь ли, как исправляет других? Для того именно и сказал – «при всех» («пред всеми»), чтобы устрашились и слушающие. Что же ты сказал? «Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» («Аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жителствовати?») ([Гал.2:14](#)). Но не язычники, а иудеи были увлечены к лицемерию (примером Петра); почему же, в таком случае, обвиняешь в том, чего не было? Почему ты обращаешь речь свою не против лицемеривших их иудеев, а против язычников? Почему также обвиняешь одного Петра, тогда как и прочие лицемерили вместе с ним? Рассмотрим же, в чем состоит самое обвинение. «...Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» («Аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жителствовати?») Но ведь таился один (Петр): чего же в

таким случае он хочет достигнуть, говоря это? Хочет сделать, чтобы обличение не возбуждало подозрительности против себя. Если бы он сказал: «Ты худо делаешь, соблюдая закон», то уверовавшие из иудеев обвинили бы его в дерзости против своего учителя; теперь же, обвиняя его за своих учеников, т. е. обратившихся из язычников, он делает этим удобовосприимлемой свою речь, и не только этим, но и тем, что, оставив обличение всех других, обратил его всецело против апостола. «Если ты, – говорит, – будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски» («Аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши»), почти совершенно явно говоря тем: «вы подражаете своему учителю, а между тем и сам он, будучи иудеем, живет по-язычески». Но он не сказал так ясно, потому что увещания его не приняли бы, а открывает мысль Петра под видом выговора за язычников. Равным образом, если бы он сказал: «Зачем ты принуждаешь обратившихся из иудеев жить по-иудейски?», слова его был бы гораздо невыносимее; теперь же, как бы принимая сторону учеников из язычников, а не из иудеев, этим самым исправляет последних. Ведь упреки становятся наиболее удобовосприимлемыми тогда, когда бывают не слишком суровы. Да и из язычников никто не мог обвинять Павла, потому что он говорил против иудеев. А все это устроил во благо Петр своим молчанием, приняв на себя вид лицемерия, чтобы тем освободить иудеев от действительного лицемерия. Итак, сначала он направляет свою речь лично к Петру, сказав: «если ты, будучи Иудеем», а потом обращает ее ко всем вообще, не исключая и себя, и говорит так: «Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники» («мы естеством иудее, а не от язык грешницы») ([Гал.2:15](#)). Слова его были в действительности только увещанием, но им был придан вид укоризны по причине бывших тут верующих из иудеев.

6. То же делает он и в других местах: говоря по-видимому одно, имеет в виду другое; так, когда в послании к Римлянам говорит: «А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым» («ныне же гряду во Иерусалим, служай святым») ([Рим.15:25](#)). Этим, конечно, он не то хотел сказать, и не просто только уведомить их о том, для чего он пошел в Иерусалим, но хотел их побудить к соревнованию в милостыне. Ведь если бы он хотел указать только на причину своего путешествия, то довольно было бы сказать: иду (в Иерусалим), чтобы послужить святым; а теперь, смотри, как много он присоединяет еще: «ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Усердствуют, да и должники они перед ними» («благволиша бо Македония и Ахаия общение некое сотворити к нищим святым живущим во Иерусалиме. Благволиша бо и должни им суть»). И еще: «Ибо если

язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном» («аще бо в духовных их причастницы быша языцы, должни суть и в плотских послужити им») ([Рим.15:26–27](#)). Смотри же, как и в настоящем случае он низлагает гордые помыслы иудеев, достигая одного посредством другого, и со властью продолжает речь свою, говоря: «Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники» («мы естеством иудеи, а не от язык грешницы»). Что же значит – «по природе Иудеи» («естеством иудеи»)? «Мы – не из язычества обращенные², но от младенчества воспитанные в законе, оставивши прежний образ жизни, в котором воспитались, прибегли к вере во Христа».

«Однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса» («увеведевши же, яко не оправдится человек от дел закона, но токмо верою Иисус Христовою, и мы во Христа Иисуса веровахом») ([Гал.2:16](#)). Смотри, с какою осмотрительностью говорит он все это. «Мы оставили закон, – говорит, – не потому чтобы он был зол, но потому, что немощен. Поэтому, если закон не доставляет оправдания, то излишне и обрезание». Впрочем, так говорит он теперь, далее же показывает, что обрезание не только излишне, но и опасно; и особенно замечательно, что сначала он сказал только: «человек оправдывается не делами закона» («не оправдится человек от дел закона»), далее же выражается гораздо сильнее: «Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха?» («аще ли, ищуще оправдатися о Христе, обретохомся и сами грешницы, Христос убо греху ли служитель?») ([Гал.2:17](#)). «Если, – говорит, – вера во Христа не может оправдать, но снова необходимо следовать закону, то, оставив закон для Христа и не получая оправдания чрез это оставление, но подвергаясь осуждению, мы должны будем признать виновником осуждения Того, к Которому мы перешли, оставив ради Него же закон». Смотри, к какой неизбежной нелепости привел он свои слова, и с какою силою подвизался? «Если не должно оставлять закона, – говорит он, – а мы оставили его для Христа, то как мы будем судимы?» Но для чего ты говоришь и советуешь Петру, который знал это совершеннее всех? Не ему ли Бог открыл, что человека необрезанного не должно осуждать за то, что не обрезан? Не он ли, рассуждая об этом с иудеями, так сильно противостоял им на основании этого откровения? Не он ли также посылал из Иерусалима ясные наставления относительно этого?

Итак, это он говорит не для исправления Петра, но, найдя нужным обратить речь свою к Петру, обличал между тем учеников. Притом слова

эти относятся не только к галатам, но и ко всем тем, которые подобно им страдают тою же болезнью. Ведь хотя в настоящее время многие уже не обрезаются, но постятся и соблюдают субботу вместе с ними, а делая это, лишают сами себя наравне с ними благодати. Если в самом деле для тех, которые только обрезывались, не будет никакой пользы от Христа, то, когда присоединяется к этому еще пост и суббота, и вместо одной заповеди исполняются две, – смотри, какая угрожает опасность, от времени делающаяся еще сильнее! Те поступали так в начале, когда еще существовал их город, храм и все прочее, эти же, будучи свидетелями и наказания, которое понесли иудеи, и разрушения их города, и несмотря на это соблюдающие закон еще в большей мере, какое могут представить оправдание, сохраняя его тогда, когда и сами иудеи, даже при всем своем желании, не могут уже соблюдать его? Ты облечся во Христа, сделался членом Владычным, сопричислен к высшему граду, и все еще пресмыкаешься около закона? Как же возможно тебе достигнуть царства (небесного)? Послушай слов Павла, который говорит, что соблюдением закона ниспровергается Евангелие. И, если хочешь, узнай, как это возможно, и тогда утрашись и постарайся избежать угрожающей бездны. Почему ты, в самом деле, соблюдаешь субботу и постишься вместе (с иудеями)? Без сомнения, потому, что боишься оставить закон и его предписания; но ты не утрашил бы оставить закон, если бы не презирал веры, как слабой и самой по себе не могущей доставить спасение. Ведь если ты боишься не соблюдать субботы, то очевидно, что ты утрашил закон, как имеющего силу еще и в настоящее время. Если же опять нужен закон, то, без сомнения нужна не часть его, и не одна какая-нибудь заповедь, но нужен весь закон; а если весь, то таким образом мало-помалу уничтожится и оправдание верою. Если ты соблюдаешь субботу, то почему не станешь приносить и жертвы? Если, в самом деле, необходимо исполнять закон, то необходимо исполнять его весь; если же всего исполнять не нужно, то не нужно исполнять и части его. Если, с другой стороны, ты страшишься подвергнуться осуждению за преступление одной части закона, то тем более нужно страшиться за преступление всего закона; а если нарушение целого закона не подвергает осуждению, то ясно, что не подвергает ему и нарушение части; если же нарушение одной части подвергает осуждению, то тем более нарушение целого закона. А если необходимо исполнение всего закона, то необходимо отвергнуться Христа, или, следуя Христу, сделаться преступником закона. Ведь если должно исполнять закон, то не исполняющие его – преступники, и виновником этого преступления закона окажется у нас Христос, так как

Он сам разрешал от (исполнения) закона, и другим повелел разрешать.

7. Видишь, до чего доходят иудействующие? Христа, виновника нашего спасения, они выставляют виновником и греха, как и Павел говорит: «неужели Христос есть служитель греха?» («Христос убо греху ли служитель?») После того как он довел их до такой нелепости, ему уже не нужно было доказательств к опровержению их, но достаточно было одного отрицания, почему он и сказал только: «Никак» («да не будет»), так как против совершенной нелепости и бесстыдства не нужно изыскивать доказательств, а достаточно и одного отрицания.

«Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником» («Аще бо, яже разорих, сия паки созидаю, преступника себе представляю») ([Гал.2:18](#)). Посмотри на благоразумие Павла. Иудеи хотели показать, что не соблюдающий закона есть преступник; а он говорит совершенно противное и показывает, что исполняющий закон есть преступник, и не только веры, но и самого закона, так как под словами «снова созидаю, что разрушил» («яже разорих, сия паки созидаю») он понимает закон. А слова его имеют такой смысл: «Закон потерял свою силу, и мы подтвердили это тем, что, оставивши его, прибегли к спасению верою. Поэтому, если мы усиливаемся восстановить закон, то этим самым становимся преступниками, так как упорно хотим соблюдать то, что отменено самим Богом». Далее показывает и то, каким образом отменен закон. «Законом я умер для закона» («Аз бо законом закону умрох») ([Гал.2:19](#)). Этим слова имеют двоякий смысл: или он говорит о законе благодати, потому что и благодать он обыкновенно называет законом, например, когда говорит: «закон Духа жизни... освободил меня» ([Рим.8:2](#)), или же понимает здесь великий закон, желая показать, что через этот же самый закон он умер закону, то есть: «Самый закон убедил меня больше не следовать ему. И если после этого буду следовать ему, то этим самым нарушу его». Как же и каким образом? Моисей, предсказывая о Христе, говорит: «Пророка... воздвигнет вам Господь Бог из братьев ваших, как меня, – Его слушайте» ([Втор.18:15](#)). Таким образом, те, которые не повинуются Христу, преступают закон. Но мы можем и иначе понимать слова: «Законом я умер для закона» («законом закону умрох»). Ведь закон повелевает исполнять все написанное в нем, а не исполняющего наказывает. Поэтому мы все умерли для закона, так как никто не исполнил его. И смотри, с какою осторожностью он и здесь восстает против закона: он не сказал: «закон умер для меня», но – «я умер для закона». А эти слова имеют такой смысл: «Подобно тому как для бездушного и мертвого является невозможным повиноваться заповедям закона, точно так же и для

меня, умершего от клятвы закона, – потому что я умер чрез то, что говорит он. Следовательно, он более не должен требовать повиновения от умершего, которого и сам он умертвил, и притом смертью не только телесною, но и духовною, чрез которую подверг и телесной». А что он говорит именно это, ясно показал из последующего. «Чтобы жить для Бога, – говорит он, – я сораспялся Христу» («да Богови жив буду, Христови сраспяхся»). Так как он сказал: «я умер», то, чтобы кто не сказал ему: «как же ты жив?» – он и представил причину жизни, и показал, что хотя закон и умертвил его живого, но Христос, восприняв мертвого, оживотворил чрез смерть Свою; и этим показывает двойное чудо – во-первых, (Христос) оживотворил мертвого, и во-вторых, чрез смерть даровал жизнь. Под смертью он разумеет здесь жизнь, потому что это именно показывают слова его: «чтобы жить для Бога, я сораспялся Христу» («да Богови жив буду, Христови сраспяхся»). «Но каким образом, – скажет кто-нибудь, – он сораспялся, когда был жив и дышал? Что Христос был распят, это ясно; но как ты и распялся и живешь?» Смотри, как он изъясняет и это, говоря: «и уже не я живу, но живет во мне Христос» («живу же не ктому аз, но живет во мне Христос») ([Гал.2:20](#)). Сказав: «я сораспялся Христу» («Христови сраспяхся»), он указал на крещение, словами же «и уже не я живу» («живу же не к тому аз»), – на последующий затем образ жизни, которым умерщвляются наши уды. Что же значит: «живет во мне Христос»? «То, – говорит, – что я ничего не делаю, что не угодно Христу». Подобно тому как под смертью он разумеет не обыкновенную смерть, но смерть из-за грехов, точно также и под жизнью разумеет освобождение от них (грехов), потому что по Боге невозможно жить иначе, как умерши для греха. «И вот, как Христос претерпел смерть телесную, так и я смерть по отношению к греху. «Умертвите, – говорит, – земные члены ваши, каковы суть блуд, нечистота, прелюбодеяние» ([Кол.3:5](#)), и еще: ...«ветхий наш человек распят» ([Рим.6:6](#)), что совершилось в купели крещения. После этого, если ты будешь оставаться мертвым для греха, то будешь жить Богу, если же снова воскреснешь для греха, то ты потеряешь эту жизнь. Но Павел не таков, он оставался во всю жизнь мертвым (греху). «Итак, если я, – говорит он, – живу для Бога другою жизнью, чем какою жил в законе, и сделался мертв для закона, то ничего уже не могу исполнять из закона.

8. Смотри, как правильна его жизнь, и особенно подивись этой блаженной душе! Он не сказал – «жив я», но – «живет во мне Христос». Кто дерзнет оспаривать истину этих слов? В самом деле, так как он проявил совершенное послушание Христу, отказался от всего временного и все делал по воле Его, то и не сказал – «я живу для Христа», но, что

гораздо важнее: «живет во мне Христос». Подобно тому, как грех, овладев человеком, сам живет в нем, направляя душу его по своему желанию, точно так же, если с умерщвлением греха человек делает благоугодное Христу, то такая жизнь является уже не жизнью человека, но живущего в нас, т. е. Действующего и управляющего (Христа). А так как он сказал – «сораспаялся» («сраспяхся»), и – «и уже не я живу («не ктому живу»), но умер», и многим казалось, что он говорит невероятное, то и присовокупил: «А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия» («а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия») ([Гал.2:20](#)). «То, что сказано мною, – говорит, – относится к духовной жизни: если же кто хочет узнать и настоящую плотскую мою жизнь, то и таковая стала возможной для меня только чрез веру во Христа. Что касается до прежнего образа жизни и закона, то я достоин был величайшего наказания, и давно уже надлежало бы мне погибнуть: «потому что все согрешили и лишены славы Божией» («вси бо согрешиша, и лишени суть славы Божия») ([Рим. 3:23](#)), и Христос искупил нас уже приговоренных к смерти, искупил тогда, когда мы находились уже в ожидании скорого исполнения этого приговора и когда все мы были уже мертвы, если не в действительности, то по смертному о нас приговору. И после того уже, как закон осудил нас и Бог приговорил к смерти, Христос, пришедши и предав самого Себя на смерть, освободил всех нас от смерти. Поэтому, «что ныне живу во плоти, то живу верою» («еже ныне живу во плоти, верою живу»). А если бы не было этого, то ничто не могло бы воспрепятствовать всеобщей гибели, как это случилось и во время потопа; только пришествие Христа, отвративши гнев Божий, дало нам возможность жить верою». А что действительно он говорит это, выслушай следующее далее – сказавши: «а что ныне живу во плоти, то живу верою» («а еже ныне живу во плоти, верою живу»), он прибавил еще: «в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» («Сына Божия возлюбившаго мене, и предавшаго Себе по мне»). Что ты делаешь, Павел, присваивая общее всем себе и относя исключительно к себе то, что сделано за весь мир? В самом деле, он не сказал – «возлюбившего нас», но – «возлюбившего меня». Евангелист между тем говорит: «так возлюбил Бог мир» («также возлюбил Бог мир») ([Ин.3:16](#)), да и ты сам в другом месте говоришь: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его, – не за тебя, но – за всех» ([Рим.8:32](#)); и еще: «чтобы приобрести Себе народ особенный» ([Тит.2:14](#)). Итак, что же значит сказанное им здесь? Представив себе всю безнадежность человеческого естества и неизреченное попечение Христа, а равно и то, от чего он освободил нас и что даровал нам, он, будучи объят пламенем

любви к Нему, и говорит таким образом. Так и пророки часто называют общего всем Бога своим, говоря: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я» («Боже, Боже мой, к тебе утреннюю») ([Пс. 62:2](#)). Кроме того, этим он хотел показать, что каждый из нас столь же справедливою благодарностью обязан Христу, какую (он был обязан), если бы Он пришел и для него одного. Ведь Он не отказался бы принять на Себя таковое ходатайство и за одного, потому что и каждого человека в отдельности он любит в такой же мере, как и весь мир. Притом, хотя жертва была принесена за всю природу и достаточна была для спасения всех, но воспользовались благодеянием ее одни уверовавшие. И то обстоятельство, что не все обратились (ко Христу), во всяком случае не могло удержать Его от такового ходатайства, но подобно тому, как и упоминаемый в Евангелии пир был приготовлен для всех и, когда на него не пожелали придти званые, Он все-таки не отменил его, но призвал других ([Лк.14:16](#)), – так точно поступил Он и здесь. И овца, отставшая от девяноста девяти, была одна, а все-таки Он не презрел и ее ([Мф.18:12](#)). То же самое дает понять и Павел, когда, рассуждая об иудеях, говорит: «Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» («что бо, аще не вероваша нецъи? Еда неверствие их веру Божию упразднит? Да не будет: да будет же Бог истинен, всяк же человек ложь») ([Рим.3:3–4](#)). Итак, после того как Он возлюбил тебя настолько, что предал самого Себя, и, когда ты не имел уже надежды ко спасению, привел тебя к столь великой и столь высокой жизни, ты, получивши такие блага, все-таки опять обращаешься к ветхозаветному? Таким образом тщательно исследовав, что требовало исследования, он заключает речь свою возглашением, говоря: «Не отвергаю благодати Божией» («не отметаю благодати Божия») ([Гал.2:21](#)). Пусть услышат это те, которые и ныне живут еще по-иудейски и привержены к закону: сказанное относится и к ним.

«А если законом оправдание, то Христос напрасно умер» («Аще бо законом правда, убо Христос туне умре»). Что может быть тяжелее этого греха? Какие еще слова более этих способны пристыдить? Ведь если Христос умер, то очевидно потому, что закон не в состоянии оправдать нас; если же закон оправдывает, то смерть Христа бесполезна. Но не безрассудно ли будет называть бесполезным и напрасным это столь великое, столь страшное и превышающее ум человеческий дело, это неизреченное таинство, которого с нетерпением ожидали патриархи, которые предсказывали пророки, взирая на которое ужасались ангелы и которое по справедливости признается всеми самым главным делом Божия

промышления о нас? Представив таким образом высшей степенью нелепости считать совершение этого столь великого и важного дела бесполезным (а это именно и доказывали поступки галатов), он далее поносит их, говоря так:

Глава 3

([Гал.3:1](#)) О, бессмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?

Безумно, оставив веру, вновь обратиться к закону. – Опровержение возражений в пользу удержания закона. – Против аномеев.

1. Здесь он переходит уже к другому предмету. В предыдущих главах он показал только, что сделался апостолом не от людей и не чрез людей, и что не имел нужды в научении от апостолов; здесь же, после того как уже представил себя достойным доверия учителем, беседует с большею властью, сравнивая между собою закон и веру. Так, вначале он говорит: «Удивляюсь, что вы... так скоро переходите к иному благовествованию» («чуждуся, яко тако скоро прелагаетесь») ([Гал.1:6](#)); а здесь: «О, бессмысленные Галаты!» Тогда он скрывал свое негодование, теперь же, после того как защитил себя и доказал это, обнаружил его. Если же он называет их бессмысленными, то не удивляйся этому: поступая так, он не нарушает закона Христова, который запрещает называть брата своего безумным ([Мф. 5:22](#)), но строго исполняет его. Ведь там не просто сказано: «кто назовет брата своего безумным», но – «кто назовет напрасно». Некоторые же из галатов по своей справедливости заслуживали этого названия, так как они после столько многих и столь великих благодетелей не переставали держаться прежних обычаев, как будто бы ничего особенного не случилось с ними. Если же ты за это называешь Павла обидчиком, то и Петра за Ананию и Сапфиру ([Деян.5](#)) должен будешь назвать человекоубийцею. Но если сказать первое – безумно, то тем более безумно сказать последнее. Ты же обрати внимание на то, что он не в самом начале употребил такую строгость, но после обличений и доказательств, когда уже они получили это порицание будто бы не от него, но как необходимое следствие самых обличений. В самом деле, только уже после того, как он доказал, что они отметают веру и представляют смерть Христа излишнею, он прибавляет это порицание, притом, более легкое, чем они заслуживали, так как они достойны были порицания еще в более строгих выражениях. Впрочем, смотри, как он сейчас же, как только укорил их, смягчает свою речь. Он не сказал: «Кто вас обманул? Кто злоупотребил вашей простотой? Кто ввел вас в заблуждение?», но – «кто прельстил³ вас?» («кто вы прельстил есть»), не лишая таким образом

порицания и некоторой доли похвалы. Этим он показывает, что прежние поступки их были достойны зависти, и что случившееся с ними было делом неприязни дьявола, сильно досадовавшего на их благоденствие. Когда же ты слышишь здесь слово «зависть», или в Евангелии слова «худое око» ([Мф. 6:23](#)), что означает то же самое, то не подумай, что одно устремление глаз может вредить тем, на кого смотрят, потому что глаз, как член тела, сам по себе не может быть завистлив; но здесь Христос так называет зависть. Ведь дело глаз – просто только смотреть, смотреть же лукаво – зависит от развращенного сердца. Так как чрез чувство зрения входит в нашу душу знание рассматриваемых нами предметов, и, например, в большинстве случаев возбуждает в нас зависть богатство, – а богатство мы видим глазами, равно как начальников и их свиту, – то он поэтому назвал лукавым такое око, которое не просто смотрит, но смотрит с завистью и душевною злобою. Сказав же: «кто прельстил вас?», он показывает, что завидующие делают это не из благоговения и не для восполнения недостающего, но для того, чтобы уничтожить и то, что было. Ведь дело зависти – не восполнять недостающее, но отнимать нечто и из наполненного уже, с тем, чтобы после лишитъ всего. И это говорит он не потому, чтобы зависть сама по себе имела силу (вредить), но потому что учившие этому по зависти решились на это.

«У которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?» («Имже пред очима Иисус Христос преднаписан бысть, в вас распят?»). Но не в Галатийской стране Он распят был, а в Иерусалиме: почему же он говорит – «у вас» («в вас»)? Этим он хочет указать на силу веры, которая может видеть и отдаленное. И не сказал он – «распят», но – «предначертан был распятым», ясно показывая тем, что они очами веры видели это гораздо лучше, чем некоторые из присутствовавших там и смотревших на совершавшееся пред ними. В самом деле, многие из этих последних, видя все это собственными глазами, не получили никакой пользы, а те, хотя и не видели этого своими глазами, но силою веры увидели еще яснее. Говоря же это, он и укоряет их, и вместе с тем хвалит. Хвалит за то, что они все совершившееся приняли с полной уверенностью в истине, а укоряет за то, что они оставили Того, Которого видели обнаженным за них, привязанным к столпу, пригвожденным ко кресту, оплеванным, поруганным, напояемым оцтом, поносимым разбойниками, прободаемым копием (все это он обнял словами «предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый»), и, оставивши Его, обратились к закону, нисколько не устыдившись этих страданий Его. Ты же заметь, как он, оставив небо, землю, море и все прочее, проповедовал силу Христову,

повсюду прославляя (один) крест. Это было верхом божественного промысления о нас.

«Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере?» («Сие едино хочу уведети от вас: от дел ли закона Духа приясте, или от слуха веры?») ([Гал.3:2](#)). «Так как вы, – говорит, – не слушаете продолжительных наставлений и не хотите видеть всего величия домостроительства Божия, то я хочу убедить вас немногими словами и кратчайшим доказательством, видя крайнее ваше невежество». Выше он вразумлял их беседою, обращенною к Петру, здесь же обращает речь свою к ним непосредственно, заимствуя все, служащее к убеждению их, не из того, что случилось в другом месте, но из того, что произошло с ними, и убеждает и уверяет их не из тех только дарований, которые были сообщены собственно им. Поэтому и говорит: «Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере?» («сие едино хочу уведети от вас: от дел ли закона Духа приясте, или от слуха веры?») «Вы получили Духа Святого, – говорит он, – творили многие чудеса, совершали знамения, воскрешая мертвых, очищая прокаженных, пророчествуя и говоря разными языками. Закон ли вам дал такую силу? Но прежде вы не делали ничего подобного. Следовательно, вера?»

2. Итак, не есть ли дело крайнего безумия – оставить веру, даровавшую вам столь великие блага, и снова обратиться к закону, который не дал вам ничего подобного? «Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?» («Тако ли несмысленни есте? наченше духом, ныне плотию скончаваете?») ([Гал.3:3](#)). Опять благовременно он укорил их. «Надлежало бы вам, – говорит, – с течением времени умножить свое преуспеяние в вере; а вы не только ничего не прибавили, но еще и возвратились назад. Другие, начиная с малого и постепенно преуспевая, наконец восходят к великому, а вы, начавши с великого, перешли к противоположному. Если бы вы начали и с плотского, то и в таком случае вам надлежало бы возвыситься до духовного; теперь же вы, начавши с духовного, возвратились к плотскому, так как творить знамения есть дело духовное, а обрезываться – плотское. А вы от знамений перешли к обрезанию, постигши истину, возвратились к образам, после созерцания солнца ищите светильника, после твердой пищи обращаетесь к молоку». И не сказал он – «плотию совершаете»⁴, но – «оканчиваете плотью» («плотию скончаваете»)⁵, показывая этим, что лжеучители, уловивши их, умертвили, как бессловесных животных, когда они сами добровольно

согласились терпеть все, что угодно было тем, – подобно тому, как если бы какой полководец и вместе храбрый воин, стяжавший уже бесчисленные трофеи и победы, предавши сам себя на поругание изменникам, дозволил им без всякого сопротивления заклеить свое тело.

«Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!» («Толика пострадаете туне? Аще точию и туне») ([Гал.3:4](#)). Это должно было поразить их еще сильнее, чем сказанное выше. Воспоминание о знаменьях не так сильно могло подействовать на них, как указание на подвиги и страдания, которые они претерпели за Христа. «Они хотят, – говорит он, – чтобы вы потеряли все то, что претерпели (за Христа), и стараются лишить вас заслуженного венца». Но вслед затем, чтобы не поразить слишком их души и не сокрушить их сил, он, не дожидаясь от них ответа, тотчас присовокупил: «если бы только без пользы» («аще точию и туне»). «Если вы, – говорит, – захотите образумиться и исправиться, то это не будет без пользы». Что скажут теперь отвергающие покаяние? В самом деле, вот галаты получили и Духа, и творили знаменья, и были исповедниками, претерпевши ради Христа бесчисленные опасности и гонения, и после таких благих дел отпали от благодати. «И все-таки, – говорит (апостол), – если вы захотите, то можете снова достигнуть прежнего состояния.

«Подлежащий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона *сие производит*, или через наставление в вере?» («Подаяй убо вам Духа и действуяй силы в вас, от дел ли закона, или от слуха веры») ([Гал.3:5](#)). «Вы удостоились такого дара и сотворили столько чудес, – говорит он, – потому ли, что соблюдали закон, или потому, что сохраняли веру? Конечно, за веру». Так как (лжеучители) толковали это в ту и другую сторону, и повсюду разглашали, что вера без соединения с законом не имеет силы, то (апостол) утверждает противное, именно, что с присоединением заповедей закона вера уже не принесет никакой пользы, так как вера только тогда имеет силу, когда к ней ничего не привносится из закона. «Вы, оправдывающие себя законом, – говорит он, – остались без Христа, отпали от благодати» («Иже законом оправдаетея, от благодати отпадосте») ([Гал. 5:4](#)). Но об этом он говорит ниже, когда пишет еще с большим дерзновением, получив уже к этому основание из доказанного; теперь же только пролагает путь к тому. «Вы, – говорит, – получили Духа и творили знаменья тогда, когда внимали вере, а не закону». Затем, так как речь была о законе, то он привел и другое доказательство, притом самое спорное, представив в пример Авраама, и очень кстати, и с большою пользою, говоря так: «Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в

праведность» («якоже Авраам верова Богу, и вменися ему в правду») ([Гал.3:6](#)). «Доказывают, – говорит, – силу веры и совершенные вами чудеса, но если угодно, я постараюсь уверить вас в том и примерами из ветхозаветной истории». А так как они имели великое уважение к этому патриарху, то он и представляет его в пример, показывая, что и он оправдался верою. «Если же он, живший прежде благодати, оправдался верою, хотя был преукрашен и добрыми делами, то тем более вы. Какой же потерпел он ущерб оттого, что не был под законом? Никакого, но и одной веры достаточно было к его оправданию». «Но тогда, – скажут, – еще не был закона». И теперь нет закона, как не было его тогда. Вот потому-то он, желая доказать, что закон теперь не нужен, и представил в пример человека, оправданного прежде закона, чтобы не встретить подобного возражения. В самом деле, как тогда закон еще не был дан, так и теперь, будучи дан, получил конец. Затем, так как они много гордились своим происхождением от Авраама ([Ин.8:33](#)) и боялись, как бы, с оставлением закона, не лишиться им родства с ним, то Павел и это снова обращает в противное и рассеивает страх, показывая, что вера преимущественно и утверждает родство с ним. И хотя яснее он доказал это в послании к римлянам, однако и здесь не менее утверждает это самое, говоря: «Познайте же, что верующие суть сыны Авраама» («разумейте убо, яко сущии от веры, сии суть сынове Авраамли») ([Гал.3:7](#)). Затем и эту истину подтверждает свидетельством из ветхого завета: «И Писание, – говорит, – провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы» («Предувидевшее же писание, яко от веры оправдает языки Бог, прежде благовествова Аврааму, яко благословятся о тебе вси языцы») ([Гал.3:8](#), [Быт.12:3](#)). Итак, если не те, которые имели с ним естественное родство, суть сыны его, но те, которые подражали вере его – это именно и значат слова – «в тебе благословятся все народы» («о тебе вси языцы»), то ясно, что (и верующие язычники) вводятся в это родство.

3. Этими словами он показывает и другое нечто весьма важное. Так как их смущала мысль, что закон древнее веры, а вера после закона, то он уничтожает и это их недоумение, показывая, что вера древнее закона, и что это ясно видно из примера Авраама, так как последний получил оправдание прежде, нежели явился закон. А вместе с тем показывает, что и случившееся в последние времена случилось по пророчеству: «И Писание, – говорит, – провидя, что Бог верою, а не от закона, оправдает язычников, предвозвестило Аврааму» («предувидевшее же Писание, яко от веры оправдает языки Бог, прежде благовествова Аврааму»). Что же это значит?

«Сам законодатель, – говорит он (этим), – прежде нежели дал закон, определил, чтобы язычники оправдались верою». И не сказал – «открыл», но – «благовествовал», для того чтобы ты знал, что такому способу оправдания радовался и патриарх, и сильно желал, чтобы это было приведено в исполнение. Но так как они боялись еще и другого, (потому что) написано было: «Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним» («проклят всяк..., иже не пребудет во всех словесех закона сего, еже творити я») ([Втор.27:26](#)), то он устраняет и эту боязнь, премудро и благоразумно обращая в противную сторону сказанное в законе, и показывает, что оставившие закон не только не прокляты, но и благословенны, а держащиеся закона не только не благословенны, но и прокляты. Те (ревнители закона) говорили, что не сохраняющий закона проклят, он же (апостол) показывает, что сохраняющий закон проклят, а не сохраняющий – благословен. Те говорили также, что надеющийся только на веру – проклят, он же показывает, что надеющийся на одну только веру – благословен. Как же все это он доказывает? Мы возвестили вам не какую-нибудь обыкновенную вещь, а потому надлежит быть особенно внимательными к тому, что будет сказано далее. Апостол и выше уже показал это, сказав, что Писание предвозвестило патриарху: «В тебе благословятся все народы». А тогда закона еще не было, но была вера; поэтому он и вывел следующее заключение: «Итак верующие благословляются с верным Авраамом» («темже сущии от веры, благословятся с верным Авраамом») ([Гал.3:9](#)). Но чтобы не стали противоречить этому и не сказали бы: «(Авраам) вполне справедливо получил оправдание от веры, потому что тогда не было еще закона; а ты покажи мне, что вера оправдывала и после того, как дан был закон», – (апостол) переходит и к этому, и показывает более того, чем требуют они, – не только то, что вера оправдывает, но и то, что закон предаёт проклятию тех, которые держатся закона. Но чтобы тебе понять это, послушай, что говорит сам апостол: «все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою» («елицы бо от дел закона суть, под клятвою суть») ([Гал.3:10](#)). Но это – положение, требующее еще доказательства. Откуда же может быть оно доказано? (Всякому это ясно) из самого закона: «проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона. А что законом никто не оправдывается пред Богом, это каждому ясно» («проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе законней, яко творити я. А яко в законе никтоже оправдается..., яве») ([Гал.3:10–11](#)). Действительно, все согрешили и находятся под клятвою. Но этого он еще не говорит, чтобы не подумали, что он сам выражает свое мнение, но опять

подтверждает это свидетельством, которые в немногих словах заключает в себе и то и другое – и то, что никто не исполнил закона (поэтому и были прокляты), и то, что вера оправдывает. Что же это за свидетельство? Из пророка Аввакума, который так говорит: «праведный своею верою жив будет» («праведник же от веры жив будет») ([Аввак.2:4](#)). Оно показывает не только то, что оправдание зависит от веры, но и то, что через закон невозможно спастись. «Так как, – говорит, – никто не исполнил закона, но за преступление его все подверглись проклятию, то и открыт другой более удобный путь (к оправданию), – чрез веру; а это служит и самым сильным доказательством того, что никто не может оправдаться законом». В самом деле, пророк не сказал: «праведный же законом жив будет», но – «верою».

«А закон не по вере; но кто исполняет его, тот жив будет им» («Закон же несть от веры: но сотворивый та... жив будет в них») ([Гал.3:12](#)). «Закон, – говорит, – требует не только веры, но и дел; благодать же чрез веру спасает и оправдывает». Видишь ли, как он доказал, что держащиеся закона подверглись проклятию потому, что невозможно выполнить его? Но каким образом вера имеет эту силу оправдывать? Это он возвестил раньше, и доказал это с большою силою. Так как закон был бессилен привести человека к оправданию, то и найдено другое достаточное средство – вера, которая невозможное по закону делает возможным собою. Итак, если и Писание говорит, что праведный верою жив будет, отрицая спасение через закон, и если Авраам получил оправдание верою, то ясно, что сила веры велика. Итак, ясно, что не пребывающий в законе – проклят, а пребывающий в вере – праведен. «Но чем ты можешь доказать нам, – скажет кто-нибудь, – что то проклятие более уже не существует? Ведь Авраам был прежде закона, а мы, однажды подпав под иго рабства, сами себя подвергли проклятию: кто же разрушил это проклятие?» Смотри, с какою поспешностью он идет навстречу этому возражению, хотя для этого, конечно, было достаточно и ранее сказанного. В самом деле, как может подлежать проклятию тот, кто был однажды оправдан, и умер для закона, и получил новую жизнь? Однако он не довольствуется всем этим, но еще и другим образом доказывает это, написав: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе)» («Христос ны искупил ест от клятвы законныя, быв по нас клятва написано бо ест: проклят всяк висяй на древе») ([Гал.3:13](#), [Втор.21:23](#)). Да еще и другой клятве подлежал народ, как сказано: «Проклят, кто не исполнит слов закона сего» («проклят всяк..., иже не пребудет... в писанных в книзе закона») ([Втор.27:26](#), [Гал.3:10](#)). Но что из этого? Пусть народ подлежал этому проклятию, потому что он не

исполнял его постоянно, да и не было никого, кто бы мог исполнить весь закон; но Христос заменил это проклятие другим, которое говорит: «проклят всяк, висящий на древе» («проклят всяк висяй на древе»). А так как и тот, кто висит на древе, проклят, и кто преступает закон, находится под клятвою, между тем, желающий разрушить эту клятву должен быть свободен от нее и должен принять на себя эту клятву (незаслуженную) вместо той (заслуженной), то Христос и принял на себя такую клятву, и ею уничтожил заслуженную. И подобно тому как кто-нибудь невинный, решившись умереть вместо осужденного на смерть, этим избавляет его от смерти, – точно так же сделал и Христос. Так как Христос не подлежал проклятию за преступление закона, то и принял на Себя вместо заслуженного нами незаслуженное Им проклятие, чтобы освободить всех от заслуженного, – потому что Он не совершил «греха, и не было лжи в устах Его» ([Ис.53:9](#)).

4. Итак, подобно тому, как умерший за тех, которые должны были умереть, освобождает их от смерти, точно также и принявший на Себя проклятие освободил от проклятия. «Дабы благословение Авраамово... распространилось на язычников» («Да в языцех благословение Авраамле будет») ([Гал.3:14](#)). Каким же образом на язычников? «В семени твоём, – сказано, – благословятся все народы» ([Быт.22:18](#)), то есть, во Христе. А если бы это говорилось об иудеях, то как было бы сообразно со здравым смыслом, чтобы подлежащие проклятию за нарушение закона сделались виновниками благословения для других? Ведь никто из находящихся под проклятием не может сообщить другому благословения, которого сам лишился. Отсюда ясно, что все это сказано о Христе, так как Он был семя Авраамово, и чрез Него благословляются народы, и таким образом является обетование Духа. Указывая именно на это, (апостол) сказал: «Чтобы нам получить обещанного Духа верую» («да обетование Духа примем верую»). А так как благодать Духа не может излиться на неблагодарного и находящегося во вражде, то благословляются прежде всего чрез снятие проклятия; потом, будучи оправданы чрез веру, получают благодать Духа. Таким образом, крест уничтожил клятву, а вера ввела оправдание, оправдание же низвело благодать Духа.

«Братия! говорю по *рассуждению* человеческому: даже человеком утвержденного завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему» («Братие, по человеку глаголю: обаче человеческого предутвержденна завета никтоже отменяет или приповелевает») ([Гал.3:15](#)). Что значит – «говорю по *рассуждению* человеческому» («по человеку глаголю»)? Это значит – «я пользуюсь человеческими примерами». Так как он утвердил

свое слово и Писанием, и чудесами, бывшими у них, и страданиями Христовыми, и примером патриарха, то, наконец, и обращается к всеобщему обычаю. Он имеет обыкновение постоянно употреблять подобный способ доказательства, как для того, чтобы смягчить свою речь, так и для того, чтобы сделать ее более удобоприемлемою и более понятною для самых неспособных. Так, беседуя с коринфянами, он говорит: «Кто, пася стадо, не ест молока от него? Кто, насаждая виноград, не ест плодов его?» ([1Кор.9:7](#)). И опять к евреям говорит: «завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив» («завет бо в мертвых известен есть: понеже ничесоже может, егда жив есть завещавая») ([Евр.9:17](#)). И из многих других мест всякий может увериться, что он любит употреблять такой род доказательств. Да и сам Бог в ветхом завете часто говорит таким образом, как, например: «Забудет ли женщина грудное дитя свое?» («еда забудет жена отроча свое?») ([Ис.49:15](#)). И опять: «Скажет ли изделие горшечнику: «что ты делаешь?»» ([Ис.29:16, 45:9](#)). А у Осии он уподобляет себя мужу, презираемому женою ([Ос.1:2](#)). И в образах ветхозаветных всякий может увидеть много заимствованного из человеческих примеров, когда, например пророк опоясывается и сходит в хижину горшечника (Иерем.18:2). Итак, что же значит приведенный (апостолом) пример? То, что вера была древнее, а закон явился после, имеет временное значение, и дан (закон) для того, чтобы приготовить путь для веры. Поэтому и говорит: «Братия! говорю по рассуждению человеческому» («братие, по человеку глаголю»). Назвав их выше несмысленными, здесь называет их братьями; таким образом, вместе и бранит их, и утешает.

«Даже человеком утвержденного завещания» («обаче человеческого предутвержденна завета»). «Если человек, – говорит, – сделает завещание, осмелится ли кто-нибудь после переменить его, или что-нибудь прибавить?» Это и значит слово – «приповелевает». Поэтому тем более не должно делать этого по отношению к завету Божию. Кому же Бог сделал завещание? «Но Аврааму, – говорит, – даны были обетования и семени его. Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос. Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя четьреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу. Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал *оное* по обетованию» («Аврааму же речени быша обеты, и семени его. Не глаголет: и семенем, яко о мнозех, но яко о едином: и семени твоему, еже есть Христос. Сие же глаголю, завета предутвержденнаго от Бога во Христа,

бывый по четыреста и тридесятих летех закон не отменяет, во еже разорити обетование. Аще бо от закона наследие, не ктому [уже] от обетования: Аврааму же обетованием дарова Бог» ([Гал.3:16–18](#)). Итак, вот и Бог сделал завещание Аврааму, сказав, что язычники получают благословение о семени его; как же в таком случае закон может уничтожить эти (благословения)? А так как никакой пример не может выразить изображаемого им предмета, то поэтому он и сказал ранее: «говорю по *рассуждению* человеческому» («по человеку глаголю»). Не выводи ничего несообразного с величием Божиим из приведенного примера. Смотри с высшей точки на этот пример: Бог обещал Аврааму, что о семени его благословятся народы; семя же его по плоти есть Христос. Спустя четыреста тридцать лет явился закон. Итак, если закон дарует благословение, и жизнь, и оправдание, то указанное обетование не имеет силы. Но как же это: человеческого завещания никто не уничтожает, а Божие завещание спустя четыреста тридцать лет становится недействительным? В самом деле, если то, что обещало это завещание, не оно дает, а другой вместо него, то оно, очевидно, отвергнуто. Но есть ли тут какой-нибудь смысл? «Итак, для чего же, – скажут, – дан закон?... По причине преступлений» («Преступлений ради») ([Гал.3:19](#)). Таким образом, и закон не излишен. Видишь ли, как он все соглашает? Как он многими глазами смотрит на все? Так как он превознес веру и показал, что она древнее закона, то, чтобы кто-нибудь не подумал, что закон излишен, он исправляет и это заблуждение, показав, что закон дан не напрасно, но с очень большою пользою: по причине преступлений, т. е., чтобы иудеи не жили без страха и не дошли до крайнего нечестия, но чтобы закон служил для них вместо узды, научая, усмиряя, и удерживая их от нарушения если и не всех, то, по крайней мере, некоторых заповедей. Таким образом, немалая польза была и от закона. Но до каких пор? «До времени пришествия семени, к которому *относится* обетование» («Дондеже приидет семя, ему же обетовася»), – говорит он, разумя (под семенем) Христа. Итак, если закон дан только до пришествия Христова, то для чего ты продолжаешь его далее и за пределы назначенного срока?

«Преподан через Ангелов, рукою посредника» («Вчинен ангелы, рукою ходатая»). Ангелами он называет или священников, или самих ангелов, как служителей при законоположении. Ходатаем же здесь называет он Христа, показывая тем, что Он и прежде был, и что Он сам дал и закон. «Но посредник при одном не бывает, а Бог один» («Ходатай же единого несть, Бог же един есть») ([Гал.3:20](#)).

5. Что здесь скажут еретики? Ведь если (Отец только) один истинный

Бог ([Ин.17:3](#)), и вследствие этого Сын уже не может быть истинным Богом, то, следовательно, Он и не Бог, так как сказано: «Бог наш, Господь един есть» («Бог... един есть») ([Втор.6:4](#)). Но если, несмотря на то, что Отец называется единым Богом ([1Кор.8:6](#)), и Сын есть Бог, то очевидно, что если Отец называется истинным, – и Сын есть истинный. «Ходатай же, – говорит, – бывает посредником между какими-либо двумя сторонами. Между кем же был посредником Христос? Ясно, что между Богом и людьми. Видишь ли, как он доказывает, что сам (Христос) дал и закон? Если же Он сам дал закон, то имеет власть и отменить его. «Итак закон противен обетованиям Божиим?» («Закон ли убо противу обетованием Божиим?») ([Гал.3:21](#)). Если в семени Авраамовом даны были благословения, а закон вводит проклятие, то он, конечно, противен обетованиям Божиим. Как же он разрешает это противоречие? Сначала просто отрицает сказанное, говоря: «Никак» («да не будет»); а потом и доказывает (отрицаемое), говоря так: «Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона» («аще бо дан бысть закон могий оживити, воистинну от закона бы была правда»). А эти слова имеют такой смысл: «Если бы мы, – говорит, – в законе имели надежду жизни, и если бы в его власти было наше спасение, то, может быть, и справедливо было бы то, что ты говоришь о законе; если же ты спасаешься верою, то, хотя бы закон подвергал всех и проклятию, ты никакого вреда не потерпишь после того, как явилась вера, от всего избавляющая. Если бы законом давалось обетование, то ты справедливо мог бы бояться, что, отпавши от закона, лишишься и оправдания; но если закон дан был для того, чтобы затворить всех, т. е., чтобы он обличил и обнаружил собственные прегрешения их, то он не только не препятствует тебе получить обетования, но даже содействует этому получению». Итак, указывая на это, он сказал: «но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа» («но затвори писание всех под грехом, да обетование от веры Иисус Христовы дастся верующим») ([Гал.3:22](#)). Так как иудеи не сознавали своих грехов, а не сознавая, не желали и прощения их, то Бог и дал им закон, который открывал бы их раны, и чрез это побуждал их искать врача. Слово «заключил» («затвори») значит – «обличил, и обличив, держал их в страхе». Видишь ли, что закон не только не противен обетованиям, но даже и дан был из-за обетований? Если бы закон присвоил себе дело и власть оправдания, тогда это было бы сказано справедливо; но если он служит другому и для другого все делал, то как он может быть противен обетованиям Божиим? Если бы не был дан закон, то все погрязли бы в

беззакониях, и никто из иудеев не пожелал бы слушать Христа; теперь же, когда закон был дан, он приносил двоякую пользу: во-первых, руководил к посильной добродетели внимающих ему, а во-вторых, возбуждал в каждом сознание своих грехов, что особенно располагало их искать Сына (Божия). Итак, те, которые не верили закону, не верили для того, чтобы не знать своих грехов. И указывая именно на это, он в другом месте сказал: «Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией» («не разумеюще бо Божия правды и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинутся») ([Рим.10:3](#)).

«А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того *времени*, как надлежало открыться вере в нас» («Прежде же пришествия веры, под законом стрегоми бехом, затворени в хотящую веру открытися») ([Гал.3:23](#)). Видишь ли, как ясно он подтвердил сказанное нами? Словами «заключены были» («затворени») и «под стражею» («стрегоми бехом») он обозначает не что-либо другое, как охранение иудеев, совершавшееся посредством заповедей закона. В самом деле, закон, содержа их, как бы в каких стенах, в страхе и жизни по закону, тем самым соблюдал их для веры.

«Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою» («Темже закон пестун нам бысть во Христа, да от веры оправдимся») ([Гал.3:24](#)). Пестун не противодействует учителю, но содействует ему, удерживая юного питомца от всякого порока и со всем тщанием приготавливая его к принятию учительских уроков; а когда питомец приобретет навык, пестун наконец оставляет его. Вот почему он и говорит: «по пришествии же веры», которая делает человека мужем совершенным, «мы уже не под *руководством* детоводителя» («пришедшей же вере, уже не под пестуном есмы») ([Гал.3:25](#)).

«Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса» («Вси бо вы сынове Божии... верою о Христе Иисусе») ([Гал.3:26](#)). Итак, если закон есть пестун и мы были заключены под стражею его, то он не противник благодати, но сотрудник; если же он и по пришествии благодати будет держать под своим игом, в таком случае он будет противником. Если он станет нас удерживать тогда, когда мы должны перейти к благодати, в таком случае он составит препятствие нашему спасению. Как светильник, освещающий ночью, если бы с наступлением дня стал препятствовать видеть солнце, не только не исполнил бы своего назначения, но причинял бы еще и вред, – так и закон, если он будет служить препятствием к получению большего. Таким образом, сохраняющие его теперь тем самым

весьма извращают его. Так и пестун делает своего питомца смешным, если будет удерживать его при себе тогда, когда, по требованию времени, ему надлежало бы оставить его. Поэтому-то и Павел говорит: «по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя» («пришедшей же вере, уже не под пестуном есте»). Итак, мы уже не под пестуном. «Ибо все вы сыны Божии» («Вси бо вы сынове Божии есте»). Вот какова сила веры, и как он постепенно раскрывает ее! Прежде он показал, что вера сделала их сынами Авраама: «Познайте же, – говорит, – что верующие суть сыны Авраама» («разумейте убо яко сущии от веры, сии суть сынове Авраамли») ([Гал.3:7](#)); теперь же объявляет, что они и сыны Божии: «Ибо все вы сыны Божии, – говорит он, – по вере во Христа Иисуса» («вси бы вы сынове Божии есте верою о Христе Иисусе»), – по вере, а не по закону. Потом, так как сказал нечто великое и удивительное, показывает и образ усыновления.

«Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» («Елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь») ([Гал.3:27](#)). Почему он не сказал: «Все вы, во Христа крестившиеся, от Бога родились»? Ведь это более соответствовало бы доказательству того, что они сыны Божии. Потому, что употребленное им выражение гораздо сильнее. В самом деле, если Христос есть Сын Божий, и ты в Него облекся, имеешь Сына в себе самом и уподобился Ему, то ты чрез это приведен в одно с Ним родство и в один образ.

«Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» («Несть Иудей, ни Еллин, несть раб, ни свободь: несть мужеский пол, ни женский: вси бо вы едино есте о Христе Иисусе») ([Гал.3:28](#)). Видишь ли душу ненасытную (не удовлетворяющуюся однажды сказанным)? Сказав, что чрез веру мы сделались сынами Божиими, он не останавливается на этом, но старается отыскать нечто еще большее, что яснее могло бы доказать ближайшее единение со Христом. А сказавши: «В Него облеклись», не удовлетворяется также и этим выражением, но, объясняя его, представляет еще более тесным такое соединение и говорит: «все вы одно во Христе Иисусе» («все вы едино о Христе Иисусе»), т. е. «Все вы имеете один облик, один образ – образ Христа». Что может быть поразительнее этих слов? Кто прежде был эллином, иудеем и рабом, тот теперь носит на себе образ не ангела, и не архангела, но самого Владыки всех, и отображает в себе Христа.

«Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» («Аще ли вы Христовы, убо Авраамле семя есте, и по

обетованию наследницы») ([Гал.3:29](#)). Видишь ли, как наконец доказал он сказанное выше о семени, т. е., что Аврааму и семени его даны были благословения?

Глава 4

[Гал.4:1–3](#). Еще скажу: наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом *назначенного*. Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира.

Против соблюдения иудейских праздников и новомесечий. – Нежность Павловой души. – Неблагоразумно, вопреки прообразованиям, подчинять себя игу рабства.

1. (Апостол) говорит здесь от детства не по возрасту, а по уму, и показывает, что Бог с самого начала хотел даровать нам свои благословения, но так как мы находились еще в состоянии младенчества, то и оставил нас под стихиями мира, т. е. новолуниями и субботами, потому что эти дни зависят у нас от течения солнца и луны. «Поэтому те, которые и теперь приводят вас под иго закона, делают не иное что, как возвращают вас, уже достигших совершенного возраста, снова в младенчество». Видишь ли, что значить наблюдение дней? Господина, хозяина дома, имеющего полную власть над всем, оно низводит в состояние раба.

«Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» («Егда же прииде кончина лета, посла Бог Сына Своего..., раждаемаго от жены, бываема под законом, да подзаконныя искупит, да всыновление восприимем») ([Гал.4:4–5](#)). Здесь он приводит две причину и два благих действия воплощения: избавление от зол и дарование благ, чего никто другой не мог совершить кроме Него одного. Какие же это были блага? Искупление от проклятия закона и усыновление: «чтобы искупить подзаконных, – говорит он, – и дабы нам получить усыновление». Прекрасно сказал он – «получить усыновление» («да всыновление восприимем»), показывая этим, что (усыновление нам) принадлежало. Действительно, оно давно было обещано, как и сам он многократно указал на это, упоминая об обетованиях относительно этого, данных Аврааму. «Но откуда видно, – скажут, – что мы сделались сынами?» Одно доказательство на это он уже представил, когда сказал, что мы облеклись во Христа, который есть Сын; а теперь приводит другое, – то, что мы получили духа усыновления.

«А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» («И понеже есте сынове, посла Бог Духа Сына своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче. Темже уже неси раб, но сын: аще ли же сын, и наследник Божий... Христом») ([Гал.4:6–7](#)). И в самом деле, мы не могли бы называть (Бога) Отцом, если бы не сделались прежде сынами Его. Итак, если благодать сделала нас из рабов свободными, из младенцев совершеннолетними, из чужих наследниками и сынами, то не безрассудно ли и крайне неблагодарно будет оставить эту (благодать) и возвратиться в прежнее состояние?

«Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им?» («Но тогда убо не введуще Бога, служисте не по естеству сущим богом: ныне же, познавши Бога, паче же познани бывше от Бога, како возвращаетесь паки на немощныя и худыя стихии, имже паки свыше служити хочете») ([Гал.4:8–9](#)). Здесь (апостол), обращаясь к уверовавшим из язычников, говорит, что и служение идолам таково же, как и наблюдение дней, и что оно теперь заслуживает большего наказания. Потому и богов называет он стихиями, а не (богами) по природе, что желает убедить их в том же самом и привести их в больший страх. Слова же его имеют такой смысл: «Тогда вы, пребывая во тьме и проводя жизнь в заблуждении, прикованы были к земле; а теперь, после того как вы познали Бога, или лучше, получили познание от Него, не навлекаете ли вы на себя большего и жесточайшего наказания, если, несмотря на столь великое попечение о вас, снова добровольно подвергаете себя той же самой болезни, которою страдали прежде? Не своими усилиями вы обрели Бога, но проводили жизнь в заблуждении, а Он сам привлек вас к Себе». Стихии же называет он немощными и бедными потому, что они не имеют никакой силы к доставления обетованных благ.

«Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы» («Дни смотрите, и месяцы, и времена, и лета») ([Гал.4:10](#)). Из этих слов видно, что (иудействующие) проповедовали галатам не только обрезание, но и необходимость соблюдения иудейских праздников и новомесечий.

«Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас» («Боюсь о вас, еда како всуе трудихся в вас») ([Гал.4:11](#)). Видишь ли искреннее участие апостола? Те подвергаются опасности, а он боится и трепещет за них. Поэтому и слова «трудился у вас» («трудихся в вас») он сказал для того,

чтобы сильно пристыдить их, как бы говоря этим: «Не сделайте напрасными моих великих трудов». Сказав же – «боюсь» и прибавив затем – «не напрасно ли», он и возбудил в них страх, и внушил им благие надежды. В самом деле, он не сказал: «я напрасно трудился», но – «не напрасно ли я трудился» («еда како vsue трудихся»). «Пока, – говорит он, – не произошло кораблекрушения; но я вижу еще бурю, которая может причинить его. Поэтому я боюсь, однако же не отчаиваюсь, так как в вашей власти все это исправить и возвратиться к прежней тишине». Затем, как бы простирая руку помощи находящимся в опасности кораблекрушения, представляет им в пример самого себя, говоря: «Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы» («будите якоже аз, зане и аз якоже вы») ([Гал.4:12](#)). Это говорит он к верующим из иудеев, а потому и приводит в пример себя, чтобы этим убедить их оставить древние обряды. «Если бы вы, – говорит, – и не имели никакого другого примера, то довольно вам посмотреть только на меня, чтобы безбоязненно решиться на такую перемену. Итак, посмотрите на меня: и я прежде испытывал то же самое состояние, и притом в сильной степени, и горел ревностью по законе; но, несмотря на это, после не убоился оставить закон и переменить жизнь. Хорошо вы знаете также и то, с какою великою ревностью я держался иудейства, и как еще с большею готовностью потом оставил его». И весьма благоразумно (апостол) представил этот пример после всего. В самом деле, многие люди, хотя бы нашли и бесчисленное множество доказательств, притом справедливых, все-таки, скорее увлекаются примером кого-нибудь из своих собратий, и когда видят другого делающего что-нибудь, скорее склоняются к тому же и сами.

«Братия... вы ничем не обидели меня» («Братие... ничимже мене обидесте»). Смотри, как он опять называет их почтительным именем, а тем самым напоминает им и о благодати. После того как он сильно уличил их в преступлении закона и со многих сторон нападал на них, он теперь снова умеряет речь свою и утешает их, употребляя более ласковые слова, потому что как беспрестанные ласки расслабляют человека, так и постоянные упреки еще более ожесточают. Поэтому хорошо везде соблюдать умеренность. Смотри же, как он оправдывается в сделанном им обличении, показывая, что не просто по ненависти, но побуждаемый заботою о них, он сказал им все это. Сделав, таким образом, глубокую рану, он тотчас возливает на нее елей утешения. А чтобы доказать им, что сказанное не было следствием ненависти или вражды к ним, он приводит им на память любовь, которую обнаружил по отношению к ним, и присоединяет к своему оправданию похвалу им.

2. Поэтому он и говорит: «Прошу вас, братия... Вы ничем не обидели меня: знаете, что, *хотя* я в немощи плоти моей благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались *им*» («молю вы. Ничимже мене обидесте. Весте же, яко за немощь плоти благовестих вам...: и искушения моего, еже во плоти моей, не уничижите») ([Гал.4:12–14](#)). Но еще не великая заслуга – не обидеть: даже и самый обыкновенный человек едва ли захочет вредить человеку, который ничем не обидел его, или оскорбить его напрасно и безвинно. «А вы не только меня не обидели, но еще и проявили ко мне великое и несказанное расположение; и не может поэтому быть, чтобы тот, кто пользовался у вас таким почтением, стал говорить это по злобе. Итак, я говорю это не по ненависти к вам, но по чрезмерной любви и заботливости о вас». «Прошу вас, братия... Вы ничем не обидели меня: знаете, что, *хотя* я в немощи плоти моей благовествовал вам». Никакая душа не может быть благосклоннее, нежнее и любвеобильнее этой святой души. А потому и прежде сказанное было следствием не безрассудного гнева и не страстного возмущения души, но великой заботливости. «И что я говорю – «не обидели»? Напротив, вы обнаружили великое и сердечное расположение ко мне». «Знаете, – говорит он, – что, *хотя* я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались *им*». Что же этим он хочет сказать? «Проповедуя вам, – говорит, – я был гоним, бичуем, подвергался тысячам смертей, и, несмотря на все это, вы не презрели меня». Это именно значат слова – «вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались *им*» («искушения моего, еже во плоти моей, не уничижите, ни оплевасте»). Видишь духовную мудрость? В самом оправдании он снова укоряет их, когда представляет им на вид, сколько он пострадал за них. «И все-таки, – говорит, – это нисколько не соблазнило вас, и вы не погнушались мною за эти страдания и гонения», – так как именно эти (страдания и гонения) называет он немощью и искушением.

«А приняли меня, как Ангела Божия» («Но якоже ангела Божия приясте мя») ([Гал.4:14](#)). Итак, не странно ли – преследуемого и гонимого принимать как ангела Божия, а научающего необходимому – не принимать?

«Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне. Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину?» («Кое убо бяше блаженство ваше? Свидетельствую бо вам, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертевшя дали бысте ми. Темже враг вам бых, истину вам глаголя»)

(Гал.4:15–16). Здесь он недоумевает и изумляется, и старается от них самих узнать причину их перемены. «Кто вас обольстил, – говорит он, – и убедил относиться к нам иначе? Не вы ли заботились и служили, и считали дороже очей своих? Что же такое случилось? Откуда эта неприязнь, откуда подозрение? Неужели оттого, что я говорил вам истину? Но за это, во всяком случае, вам надлежало бы еще более почитать и угождать мне, – а между тем теперь я сделался вашим врагом, говоря вам истину. Подлинно, – говорит, – я не знаю другой причины, кроме той, что говорил вам истину». И смотри, с каким смирением он защищает себя. Невозможность того, чтобы он говорил это по зложелательству к ним, доказывает не тем, что он для них сделал, а тем, что они для него сделали. Не сказал он: «как возможно, чтобы я, который для вас подвергался бичеванию, гонению и бесчисленным страданиям, стал теперь злоумышлять против вас?» – но заимствует доказательство из того, чем они могли бы гордиться, говоря: «как возможно, чтобы тот, кого вы почитали и приняли как ангела, стал платить вам за это враждою?»

«Ревнуют по вас не добре, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по ним» («Ревнуют по вас не добре, но отлучити вас хотят, да им ревнуете») (Гал.4:17). «Бывает ревность и похвальная, кода кто-нибудь ревнует подражать другому в добродетели; но бывает ревность и злая – желание отклонить добродетельного от добродетели; этого именно они (лжеучители) и добиваются теперь, стремясь лишить вас совершенного ведения и привести к поверхностному и ложному, не с какою-либо иною целью, но для того, чтобы самим занять положение учителей, а вас, которые теперь выше их, поставить на место учеников». Это именно и показал (апостол) словами: «чтобы вы ревновали по ним» («да им ревнуете»). «А я, напротив, желаю, – говорит он, – чтобы вы были лучше их и служили примером для совершеннейших. А это действительно так и было, когда я пребывал у вас», – почему он и прибавляет: «Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас» («добро же, еже ревновати всегда в добром, и не точию внегда приходити ми к вам») (Гал.4:18). Здесь он дает разуметь, что его отсутствие служило причиною этого зла, и что блаженно то состояние, когда ученики содержат здоровое учение не только в присутствии своего учителя, но и во время его отсутствия; а так как они не достигли еще этой степени совершенства, то он и употребляет все способы, чтобы довести их до этого.

«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» («Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас») (Гал.4:19). Смотри, как смущается, как

беспокоится он. «Братия моя, прошу вас»; «Дети мои, для которых я снова в муках рождения» («чадца моя, имиже паки болезную»). Он подражает матери, которая боится за детей своих.

«Доколе не изобразится в вас Христос» («Дондеже вообразится Христос в вас»). Видишь ли любовь отеческую? Видишь ли скорбь, достойную апостола? Слышишь ли, какой он испустил вопль, более горький, чем вопль рождающей? «Вы уничтожили, – говорит, – образ, утратили высокое сродство, изменили подобие; вам нужно другое возрождение, новое воссоздание; но, несмотря на это, я все еще называю вас детьми, – вас, выкидышей и недоносков». Впрочем, он не говорит именно так, но иначе, так как щадит их и не хочет ожесточать, налагая раны на раны; подобно тому как искусные врачи лечат подвергшихся продолжительной болезни не сразу, но с промежутками, для того, чтобы они, впав в малодушие, не умерли, – точно так же поступает и блаженный (Павел). А эти мучения его тем были болезненнее мучений телесных, чем сильнее была его любовь и чем важнее был грех их.

3. Впрочем, – как я всегда говорил, и не перестану говорить, – и малое преступление обезобразило всю красоту и повредило образ (Божий в человеке). «Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой» («Хотел же бых приити к вам ныне и изменити глас мой») ([Гал.4:20](#)). Заметь, как он нетерпелив, как пылок, как не может этого снести. Таково уже свойство любви: она не довольствуется (заочными) словами, но ищет и свидания. «Чтобы изменить голос мой», – говорит он. Это значит – изменить его в плачевный, проливать слезы, и заставить плакать всех. Но в письме ведь невозможно было показать слезы и рыдания, а потому он и горит желанием видетсья с ними.

«Потому что я в недоумении о вас» («Яко не домьшляюся о вас»). «Я не знаю, – говорит, – что сказать; не знаю, что подумать. Как это вы, достигши такой небесной высоты, и чрез тяжкие бедствия, которые вы претерпели за веру, и чрез знамения, которые вы совершили верою, теперь внезапно снизошли до такого унижения, что обращаетесь к обрезанию и субботам, и соединяетесь с иудеями?» Вот почему он и вначале сказал: «Удивляюсь, что вы... так скоро переходите к иному благовествованию» («дивлюся яко тако скоро прелагаетесь») ([Гал.1:6](#)), и здесь говорит: «я в недоумении о вас» («не домьшляюся о вас»), – как бы говоря этим: «Что мне сказать? С чего начать речь? Что подумать? Недоумеваю. Поэтому остается только плакать, как поступали и пророки в безнадежных случаях». Но и такой способ врачевания немаловажен – чтобы не только увещевать, но и плакать. Об этом сказал он и в беседе к милетянам: «три

года... со слезами я не преставал учить... вас» ([Деян.20:31](#)). То же говорит и здесь словами: «изменить голос мой» («изменити глас мой»). Да и мы, побеждаемые постигающими нас против ожидания безвыходными и затруднительными обстоятельствами, чаще всегда предаемся слезам. Итак, обличив их и укорив и снова утешив, он, наконец, стал плакать; плач же выражает не только порицание, но и ласкательство. Он не раздражает подобно порицанию, и не расслабляет подобно угождению, но есть врачевство смешанное, и в увещаниях имеет великую силу. Таким образом, смягчает их сердце своими слезами; и, более расположив их к себе, он снова вступает в состязание, предлагая на рассуждение предмет еще более важный и показывая, что и самый закон не требует, чтобы его соблюдали. Выше он привел в пример Авраама, а теперь представляет самый закон убеждающим, чтобы его не соблюдали более, но оставили, что, конечно, являлось более сильным (доказательством). «Если вы хотите, – говорит он, – быть послушными закону, то оставьте его, так как он сам этого требует. Впрочем, (апостол) не говорит именно так, но иным образом достигает того же самого, воспользовавшись историей. «Скажите мне, – говорит, – вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона?» («Глаголите ми, иже под законом хотите быти: закона ли не слушаете?») ([Гал.4:21](#)). Хорошо сказал он – «желающие быть» («иже хотите»), – так как дело зависело не от течения вещей, но от неуместной ревности их. Законом же здесь называет книгу Бытия, что часто он делает, называя так весь ветхий завет.

«Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной» («Писано бо есть, яко Авраам два сына име: единаго от рабы, а другаго от свободныя») ([Гал.4:22](#)). Опять он указывает на Авраама; впрочем, не повторяя этим сказанного прежде, но так как этот патриарх был у иудеев в великом уважении, то (апостол) и показывает, что образы в нем получили свое начало, в нем же предначертаны были и настоящие события. И так как он прежде показал, что они (галаты) суть сыны Авраама, то далее, ввиду того, что сыновья этого патриарха имели неодинаковое достоинство, – один был рожден от рабы, а другой от свободной, – он и говорит, что они не только сыновья Авраама, но и такие сыновья, каков был сын его свободный и благородный. Такова сила веры.

«Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию» («Но иже от рабы, по плоти родися: а иже от свободныя, по обетованию») ([Гал.4:23](#)). Что значит – «по плоти»? Так как он сказал, что вера соединяет нас с Авраамом, а слушателям казалось непонятным, как он называет сынами Авраама тех, которые не

происходили от него, то он и показывает, что это необычайное дело совершено Богом. Исаак, родившийся не по естественному порядку, не по закону супружества, а равно, и не от силы плотской, был, однако, сыном и сыном настоящим, рожденным от телес увядших и утробы заматоревшей. Не плоть совершила зачатие, и не семя произвело плод, так как утроба матери была (вдвойне) мертва – и по возрасту, и по неплодству, но образовало его слово, изреченное Богом. Напротив, раб родился не так, но по законам естества и обыкновенного супружества. И все-таки рожденный не по плоти был предпочтен родившемуся по плоти. «Итак, не беспокойтесь и вы, что не родились по плоти (от Авраама), так как, в силу того обстоятельства, что вы не по плоти родились от него, вы являетесь особенно родственными ему». Рождение по плоти не увеличивает, но уменьшает достоинство, так как рождение не по плоти является более чудесным и духовным, что ясно открывается из примера тех, которые родились свыше. Измаил родился по плоти, но был рабом, и не только рабом, но даже был изгнан из родительского дома; а Исаак, рожденный по обетованию, как истинный сын и свободный, остался господином всего.

«В этом есть иносказание» («Яже суть иносказаемы») ([Гал.4:24](#)). (Апостол) против обыкновения назвал иносказанием образ. Слова его имеют следующий смысл: эта история изображает не только то, что представляется в ней с первого взгляда, но выражает также и нечто другое, а потому и названа иносказанием. Что же она изображала? Не иное что, как настоящие события. «Это, – говорит, – два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь» («Сия бо еста два завета, един убо от горы Синайския в работу раждаей, иже есть Агарь») ([Гал.4:24](#)). Кто эти – «сия»? Матери упомянутых сыновей – Сарра и Агарь. Что означают два завета? Два закона. Но так как в истории это были имена жен (Авраамовых), то (апостол), держась общего значения этих названий, и из самых имен выводит великое следствие. «Ибо Агарь, – говорит он, – означает гору Синай в Аравии» («Агарь бо, Сина гора есть во Аравии») ([Гал.4:25](#)). Агарью называлась раба, а гора Синай на языке той страны и означает это (рабу).

4. Таким образом, все рождавшиеся в ветхом завете по необходимости были рабы. В самом деле, та гора, на которой дан был ветхий завет, будучи одноименна с рабою, обнимает и самый Иерусалим, что показывают дальнейшие слова – «соответствует нынешнему Иерусалиму» («прилагается же нынешнему Иерусалиму»). Это значит – сродна ему и близко указывает на него.

«Потому что он с детьми своими в рабстве» («Работает же с чады

своими») ([Гал.4:25](#)). Что же из этого следует? То, что не только Агарь была рабой и рождала рабов, но и самый завет, образом которого была раба. Иерусалим и по местоположению лежит не далеко от той горы, имя которой означает рабу, а на этой горе и дан был закон. Но что прообразовала Сарра? «А вышний Иерусалим свободен» («А вышний Иерусалим свободь есть») ([Гал.4:26](#)). Поэтому и рождающиеся в нем не рабы. Образом нижнего Иерусалима была Агарь, и очевидно – от горы, носившей это название; а образом вышнего – Церковь. Впрочем, (апостол) не довольствуется одними образами, но в подтверждение слов своих приводит свидетельство Исаии. Действительно, сказав, что вышний Иерусалим есть наша мать и назвав этим именем Церковь, он указывает на пророка, который говорит то же самое, что сказал и он. «Возвеселись, – говорит, – неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» («Возвеселися, неплоды, не раждающая: расторгни и возопи, не болящая: яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа») ([Гал.4:27](#)). Кто же эта неплодная, и кто эта оставленная прежде? Не очевидно ли, то это Церковь из язычников, лишенная прежде познания о Боге? А кто имеющая мужа? Не ясно ли, что иудейская синагога? И все-таки неплодная превзошла ее многочислием. Первая обнимала собою только один народ, а чада Церкви наполнили Грецию и варварские страны, землю, море и всю вселенную. Видишь ли, как Сарра самым делом, а пророк словом предвозвестили нам будущее? Но смотри – Исаия сначала назвал неплодную, а потом показал, что эта неплодная сделалась потом многочисленною. Это прообразовательно случилось и с Саррой, так как и она, будучи сначала неплодною, сделалась потом матерью многочисленного потомства. Однако Павлу и этого недостаточно, но он тщательно исследует еще и то, каким образом неплодная стала матерью, чтобы и отсюда показать близость образа к рассматриваемой истине. Вот почему он и прибавляет: «Мы, братия, дети обетования по Исааку» («мы же, братие, по Исааку обетования чада есмь») ([Гал.4:28](#)). Ведь и Церковь не только была неплодна, как Сарра, и не только, подобно последней, оказалась многочисленною потом, но и стала рождать одинаковым с нею образом. В самом деле, как Сарра сделалась матерью не по природе, но по обетованию Божию (Тот, Кто сказал: «В это же время приду, и будет у Сарры сын» ([Быт.18:10](#)), сам, войдя в утробу, образовал младенца), – точно также и в деле нашего возрождения природа не имеет никакого значения; но божественные слова, произносимые священником, – они известны верующим, – и только они, воссоздают и возрождают крещаемого в

купели водной, как бы в материнской утробе. Итак, если мы дети неплодной, то вместе и свободные. «Но что это за свобода, – скажет кто-нибудь, – если иудеи повсюду господствуют и наказывают бичами верующих, а считающие себя свободными подвергаются преследованию?» Действительно, так было в то время, когда верные были повсюду гонимы. «Но это обстоятельство не должно смущать вас, – говорит (апостол), – так как и оно было предначертано в том же образе: ведь и Исаак, будучи свободным, был гоним рабом Измаилом». Вот почему он и говорит далее: «Но, как тогда рожденный по плоти гнал *рожденного* по духу, так и ныне. Что же говорит Писание? Изгони... сына рабы, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной» («но якоже тогда по плоти родивыйся гоняше духовнаго, тако и ныне. Но что глаголет писание? Изжени... сына рабы, не имать бо наследовати сын рабынин с сыном свободныя») ([Гал.4:29–30](#)). Что же? Неужели в том и состоит все утешение, чтобы свободные узнали, что они будут терпеть гонение от рабов? «Нет, – говорит (апостол), – я не останавливаюсь на этом; но послушай и дальнейшее, – и тогда получишь достаточное утешение, чтобы не малодушествовать в гонениях». Что же такое далее? Изгони сына рабы, так как он не будет наследником вместе с сыном свободной. Видишь ли возмездие за кратковременную тиранию и неуместное высокомерие? Отрок лишается отцовского наследия и делается изгнанником и скитальцем вместе с матерью. А ты заметь мудрость сказанного. Он не сказал, что изгоняется только потому, что гнал, но – чтобы не был наследником. Он понес наказание не за временное преследование (это и неважно, и несколько не относится к делу); но потому, что (Бог) не допустил его быть участником в том, что приготовлено было сыну, показывая этим, что и независимо от преследования это было предопределено ему свыше, и причиною своею имело не гонения, но Божие определение. И не сказал он: «Не будет наследником сын Авраама», но – «сын рабы», давая ему название от низкого рода. Но Сарра была неплодною: такова же была и Церковь языческая. Видишь ли, как во всем содержится прообразование? Как та, не рождая во все ранние годы, становится матерью в глубокой старости, так и Церковь языческая стала рождать, когда пришло исполнение (времен). Это самое предвозвестили и пророки, говоря: «Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» («возвеселися, неплоды, нераждающая, возгласи и возопий, нечревоболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа») ([Ис. 54:1](#)), – называя этим именем Церковь.

Действительно, последняя прежде не знала Бога, но когда познала, то превзошла многочадием синагогу.

«Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной» («Темже, братие, несмы рабынина чада, но свободныя») ([Гал.4:31](#)). Все это объясняется и раскрывает (апостол), желая показать, что случившееся не было делом новым, но было прообразовано Богом и за много веков. Итак, не безумно ли избранным за столько веков прежде и получившим уже свободу добровольно подчинять себя под иго рабства? Затем (апостол) приводит и другую причину, убеждающую их твердо стоять в догматах веры.

Глава 5

[Гал.5:1](#). Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос.

Против обрезывающихся. – Вместо закона иго любви. – Легчайший путь к добродетели. – Почему добрые дела называются «плодом» духа.

1. «Разве вы сами освободили себя, что опять стремитесь под прежнее владычество? Сам (Христос) искупил вас, – разве другой заплатил за вас цену выкупа?» Видишь, сколько средств употребляет (апостол), чтобы отклонить их от иудейского заблуждения? Во-первых, он показывает, что крайне безумно сделавшимся из рабов свободными желать из свободных снова сделаться рабами; во-вторых, дает им понять, что, презирая освободителя, а любя поработителя, они окажутся жестокими и неблагодарными по отношению к своему благодетелю; в-третьих, внушает, что это уже и невозможно, так как закон утратил свое владычество, после того, как другой откупил всех нас у него однажды навсегда. Словом же «стойте» он указывает их непостоянство и шаткость.

«И не подвергайтесь опять игу рабства» («И не паки под игом работы держитесь») ([Гал.5:1](#)). Словом «иго» изображает тяжесть закона, а сказав «опять» («паки»), обнаруживает их великую бесчувственность. «Если бы вы сами не испытали этой тяжести, то не заслуживали бы еще таких упреков; но если вы по опыту знаете всю тяжесть этого ига и несмотря на это опять сами подчиняетесь ему, то заслуживаете ли вы какого извинения?

«Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» («Се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользует») ([Гал.5:2](#)). Смотри, какая угрожает опасность! Справедливо поэтому он анафематствовал и самих ангелов ([Гал. 1:8](#)). Но каким образом не будет им никакой пользы от Христа? Этого он сам не стал доказывать, а только объявил, так как достоинство лица было убедительнее всякого другого доказательства (вот почему он предварительно и сказал: «Вот, я, Павел, говорю вам», – что служило доказательством уверенности его в расположении к себе тех, кому он говорил). Но мы, насколько возможно, предложим от себя нечто в объяснение того, почему обрезывающемуся не будет никакой пользы от Христа. Обрезывающийся обрезывается как бы боясь закона, боящийся же закона не верит силе благодати, а неверующий не получает никакой пользы от благодати, которой он не верит. С другой стороны, кто

обрезывается, тот делает закон господином над собою; кто же, считая закон господином, в то же время большую часть его нарушает и соблюдает только меньшую, тот опять подвергает себя проклятию; но как может спастись тот, кто подвергает себя проклятию и отвергает свободу от проклятия, приносимую верою? А если позволительно сказать нечто невероятное, – такой человек не верует ни во Христа, ни в закон, он стал в середине между тем и другим, желая получить пользу и от того и от другого, а потому ниоткуда ничего не получит. Затем, сказав, что им не будет никакой пользы, он, хотя не прямо и в коротких словах, приводит и доказательство, говоря так: «Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон» («свидетельствую же... всякому человеку обрезывающемуся, яко должен есть весь закон творити») (Гал.5:3). «Чтобы ты не подумал, что это сказано по неприязненному расположению, для этого, – говорит, – не только вам, но и всякому человеку обрезывающемуся я говорю, что он должен исполнить весь закон, потому что постановления закона тесно связаны между собою. И как тот, кто, будучи свободным, предал себя в рабство, более уже не делает того, что хочет, но подчиняется всем законам рабства, так и по отношению к закону: если ты примешь хотя бы и одну незначительную часть его и подчинишь себя игу его, то этим привлечешь на себя всю его власть. Точно так же бывает и в мирском наследстве: кто ничего не берет из него, тот свободен и от всех обязанностей, возлагаемых на наследника умершего; если же кто получил, хотя бы и не все наследство, а только малую часть его, тот и за эту часть принимает на себя все обязанности наследника. То же происходит и по отношению к закону, и не только таким образом, как я сказал, но и другим, потому что заповеди закона связаны между собою. Например, обрезание соединено с жертвоприношением и наблюдением дней и места; место – с бесчисленными видами очищений; очищения неразлучны со множеством различных обрядов; нечистому не позволяется ни приносить жертвы, ни входить в священные места, ни делать другое что-нибудь подобное. Таким образом, закон и для одной заповеди требует многого. Так, если ты обрезался, но не в восьмой день, или хотя и в восьмой, но без жертвоприношения, или даже и с жертвоприношением, но не на том месте, которое определено, или и на определенном месте, но не по предписаниям закона, или хотя и согласно с предписаниями закона, но будучи нечистым, или и чистым, но очистившись не установленными обрядами, – то все эти твои труды пропали. Вот почему он и говорит, что (обрезывающийся) должен исполнить весь закон. Если закон господствует, то исполняй не часть его, а

весь; если же он не имеет силы, то не исполняй и части».

«Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» («Упразднистесь от Христа, иже законом оправдаетесь, от благодати отпадосте») ([Гал.5:4](#)). Вслед за доказательством он показывает далее и крайнюю опасность их положения. Если прибегающий к закону не может найти в нем спасения, а между тем отпадает от благодати, то что ему остается кроме неизбежного наказания, когда закон не имеет силы, а благодать не принимает его?

2. Усилил таким образом страх их, поколебавши их мысли и указав на угрожающее им кораблекрушение, он затем открывает им близкую к ним пристань благодати, как и повсюду он делает, обещая в ней вернейшее и надежнейшее спасение. Поэтому он далее и говорит: «а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры» («мы бо духом от веры упования правды ждем») ([Гал.5:5](#)). «Мы, – говорит он, – не имеем нужды ни в каких постановлениях закона, так как вера достаточна для того, чтобы сообщить нам Духа, а чрез него оправдание, и, кроме того, многие и великие блага».

«Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» («О Христе бо Иисусе ни обрезание что может, ни необрезание, но вера любовью поспешествуема») ([Гал.5:6](#)). Видишь ли, как он обращается к ним уже с большим дерзновением? «Облекшийся во Христа, – говорит, – пусть не заботится об обрезании». Однако, он не сказал, что обрезание вредно; как же, в таком случае, он считает его безразличным? Оно безразлично для тех, которые были обрезаны прежде принятия веры, но не для тех, которые обрезывались уже после принятия веры. Смотри же, как он отверг обрезание, поставив его наряду с необрезанием. Ведь различие делает вера. Так, если кто набирает борцов, то будут ли они кривоносые или курносые, черные или белые, это несколько не важно в деле выбора, но надобно искать в них только того, чтобы они были сильны и опытны в своем деле. Точно так же и желающему вступить в новый завет несколько не повредит то, что он не соблюл всех этих телесных обрядов, равно как не принесет никакой пользы и то, если он соблюдет их. Что же значит – «действующая любовью» («любвию поспешествуема»)? Этими словами (апостол) сильно уязвляет их, показывая, что это уклонение их от истины произошло оттого, что они не утвердились еще в любви ко Христу, так как здесь потребна не только вера, но и пребывание в любви. Как бы так он сказал: «Если бы вы любили Христа как должно, то вы не уклонились бы к рабству, не оставили бы вашего Искупителя и не оскорбили бы Освободителя». Он указывает здесь вместе и на тех, которые злоумышляли

против них, давая понять, что если бы и они имели любовь к ним, то не решились бы сделать этого. Кроме того, этими словами он желает исправить и жизнь их.

«Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине?» («Течасте добре: кто вам возбрани») ([Гал.5:7](#)). Это – слова не вопрошающего, а недоумевающего и скорбящего, подобно тому, как и выше он сказал: «кто прельстил вас?» («кто вы прельстил есть») ([Гал. 3:1](#)).

«Такое убеждение не от Призывающего вас» («Препрение не от призвавшего вы») ([Гал.5:8](#)). «Призвавший вас не для того призвал, чтобы вы так колебались, не дал вам заповеди жить по-иудейски». Затем, чтобы кто-нибудь не сказал: «Зачем ты так преувеличиваешь дело и представляешь его столь ужасным? Мы соблюдали только одну заповедь закона, а ты производишь такой шум», – послушай, как устрашает их, не настоящим их поступком, но имеющими произойти от него последствиями, в следующих словах: «Малая закваска заквашивает все тесто» («мал квас все смешение квасит») ([Гал.5:9](#)). «Так и вас, – говорит, – эта небольшая погрешность, оставленная без исправления, может преодолеть и увлечь совершенно в иудейство, подобно тому как закваска (заквашивает) тесто.

«Я уверен о вас во Христе, что вы не будете мыслить иначе» («Аз надеюся о вас в Господе, яко ничтоже ино разумети будете») ([Гал.5:10](#)). Не сказал – «не понимаете», но – «не будете понимать», т. е. «исправитесь». Откуда ты знаешь это? Но он не сказал – «знаю», а – «надеюсь». «Надеюсь на Бога, – говорит он, – и с твердым упованием призываю Его содействие к вашему исправлению». И не просто сказал – «надеюсь о вас», но прибавил – «в Господе». Он везде соединяет обличение с похвалою; как бы так он сказал: «Я знаю моих учеников, знаю удобоисправимость вашу; полагаюсь в этом и на Господа, который не попускает погибнуть даже и самому незначительному человеку, и на вас, которые легко можете возвратиться в прежнее состояние». Но вместе с тем убеждает приложить и собственное старание, так как невозможно получить от Бога ничего, если мы не привнесем ничего со своей стороны.

«А смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение» («Смущаяй же вас, понесет грех, кто бы ни был») ([Гал.5:10](#)). С двух сторон побуждает их к исправлению: и тем, что ободряет их, и тем, что угрожает и предсказывает наказание обольстителям. Но заметь, что он нигде не назвал по имени злоумышленников, чтобы тем не сделать их еще бесстыднее. А смысл его слов такой: «Хотя вы и не будете мыслить иначе, однако это не избавит виновников обольщения от наказания, но они будут

осуждены, так как невозможно допустить, чтобы за благочестие одних облегчалась участь других, злонравных. Говорит же это для того, чтобы лжеучители не сделали такого же нападения еще и на других. И не просто сказал – «смущающие», но и усилил выражение, сказав: «кто бы ни был».

«За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание?» («Аз же, братие, аще обрезание еще проповедую, почто еще гоним есмь») ([Гал.5:11](#)). Так как на него возводили клевету, будто он часто соблюдает иудейские обряды и проповедует (необрезание) притворно, то посмотри, как он показал себя чистым (от этой клеветы), призывая в свидетели их самих. «Вы и сами знаете, – говорит он, – что причиною гонений на меня было то, что я повелеваю оставлять закон; а если бы я проповедовал обрезание, то за что бы стали меня преследовать? Ни в чем другом, кроме этого, иудействующие не могут обвинить меня. И если бы я позволял им веровать по отеческим обычаям, то, конечно, ни уверовавшие, ни не уверовавшие не злоумышляли бы против меня, так как ничего из их обычаев не отвергалось бы».

3. Что же? Не проповедовал ли он обрезания? Не обрезал ли Тимофея ([Деян.16:3](#))? Обрезал, конечно. Как же, в таком случае, говорит – «не проповедую»? Заметь и здесь его осмотрительность. Он не сказал – «я не совершаю обрезания», но – «не проповедую», т. е., «Не учу так верить, и ты не должен брать моего поступка в утверждение догматов: я действительно обрезал, но не проповедовал обрезания».

«Тогда соблазн креста прекратился бы» («убо упразднися соблазн креста») ([Гал.5:11](#)). Это значит: «Если верно то, что вы говорите, то преграда и вражда, разделяющие нас, уничтожены». Иудеев соблазнял не столько крест, сколько учение не следовать отеческим обычаям. И когда они привели Стефана в синедрион, не говорили, что он почитает Распятого, но что он говорит (хульные слова) на место это и на святой закон ([Деян.6:13](#)). Да и самого Иисуса они обвиняли в том, что он разоряет закон ([Иоан.5:16](#)). Вот почему Павел и говорит: «Если мы допускаем обрезание, то прекратилась ваша борьба с нами, – нет более никакой вражды против креста и проповеди; если же нас ежедневно умерщвляют, то почему же нас обвиняют в этом? А на меня за то и возложили руки, что я ввел в храм необрезанного. Неужели же я, – говорит, – настолько неразумен, что, допуская обрезание, решился бы совершенно напрасно и сам подвергнуться такому злу, и подать такой соблазн для креста? Вы и сами видите, что ни за что так не враждуют на нас, как за обрезание. Итак, неужели я был настолько неразумен, чтобы без всякой причины и себя подвергнуть скорби, и других ввести в соблазн?» А назвал он это

соблазном креста потому, что и учение о кресте повелевает оставить отеческие обычаи, и что это именно повеление преимущественно и соблазняло иудеев и служило препятствием к принятию креста.

«О, если бы удалены были возмущающие вас!» («О, дабы отсечени были развращающие вас») ([Гал.5:12](#)). Смотри, каким строгим является здесь (апостол) по отношению к оболъстителям (галатов). Сначала он упрекал оболъщенных, дважды назвав их несмысленными, но после того как достаточно научил и вразумил их, обращается уже к оболъстителям. А мы должны и здесь заметить мудрость (апостола). Первых он убеждает и вразумляет, как детей своих, способных еще исправиться, оболъстителей же отсекает, как чуждых и неизлечимо больных; на это последнее указывает он, когда говорит: «кто бы он ни был, понесет на себе осуждение» («понесет грех, кто бы ни был»), а на первое, когда угрожает им и говорит: «О, если бы удалены были возмущающие вас!» («о, дабы отсечени были развращающие вас»). И справедливо сказал – «развращающий»⁶. В самом деле, они принудили их, оставив свое отечество и свободу и небесное родство, искать отечества чуждого и неизвестного, и изгнав их из Иерусалима горнего и свободного, заставили блуждать как пленников и пришельцев. Поэтому-то (апостол) и желает их удаления. Смысл же его слов таков: «Я нисколько не забочусь о них, так как «еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся» («еретика человека по первом и вторем наказании отрицайся») ([Тит.3:10](#)). Если они хотят, пусть не только обрезаются, но и (все тело свое) изрежут».

Итак, что скажут теперь те, которые осмеливаются сами себя исказить, навлекая тем на себя клятву апостола и осуждая устройство Божие, – споборники манихеев? Но и манихеи только говорят, что тело злокозненно и составлено из злого вещества, а эти самыми делами подают повод к их нелепым толкам, отсекая член, как бы враждебный и злокозненный. В таком случае, скорее надлежало бы выкалывать глаза, так как чрез них входит в душу похоть. Но ни глаз, ни другой какой-либо член не виновны в этом, а виновна одна только злая воля. Если же не можешь воздержаться, то почему не отсекаешь языка за богохульство, рук за хищение, ног за стремление их ко злу, и всего, так сказать, тела? Да и слух, услаждаемый игрою на флейте, часто расслабляет душу, и ноздри при ощущении благовония прельщают сердце и увлекают к удовольствию. Итак, отсекем все – и уши, и руки, и ноздри? Но это – крайнее нечестие и безумие сатанинское. Нужно только исправить беспорядочное стремление души, потому что злой демон, услаждающийся всегда убийствами, мог

внушить, что должно истребляет самый орган, как будто бы великий художник сделал ошибку. «Как же бывает, – скажет кто-нибудь, – что от тучности тела возгорается похоть?» Но и тут опять грех души, так как утучнение тела зависит не от тела, а от души. Ведь если она захочет истощить его, то имеет к этому полную возможность. Ты поступаешь подобно тому, кто, видя подкладывающего зажженные дрова и поджигающего ими дом, оставил бы совершенно в стороне поджигателя, и стал бы обвинять огонь за то, что он разгорелся так сильно оттого, что охватил много бревен дома. Но виноват не огонь, а поджигатель. Огонь дан для приготовления пищи, для освещения и для многих других потребностей, а не для того, чтобы жечь дома. Точно так же и пожелание дано для деторождения и сохранения жизни, а не для прелюбодеяния, блуда и распутства; дано для того, чтобы ты был отцом, а не прелюбодеем, чтобы законно находился в общении с женою, а не растлевал ее противозаконным образом, чтобы ты оставил свое семя, а не осквернял чужое. Ведь прелюбодеяние зависит не от естественного пожелания, но противоестественной необузданности, так как пожелание ищет только совокупления, а не такого именно совокупления.

4. Впрочем, это я сказал теперь не без намерения, но приступаю к некоторым состязаниям и предначинаю борьбу против тех, которые называют творение Божие злым и, не обращая внимания на беспечность души, безумно восстают против тела и клеветуют на плоть нашу, о которых далее говорит и апостол Павел, обвиняя именно не плоть, а хульные помыслы.

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти» («Вы бо на свободу звани бысте, братие: точию да не свобода... в вину плоти») ([Гал.5:13](#)). Здесь (апостол), кажется, переходит к нравственной части послания; но в этом послании он допускает некоторую особенность, каковой нет ни в одном из других его посланий. Все другие послания он обыкновенно разделяет на две части, из которых в первой рассуждает о догматах, а в последней излагает правила жизни; между тем как здесь, перешедши к нравственному учению, он после опять присоединяет к нему учение догматическое; и это потому, что нравственное учение опять имеет нужду в догматическом в борьбе с манихеями. Что же значат слова: «только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти» («точию да не свобода... в вину плоти»)? «Христос, – говорит, – освободил нас от ига рабства и предоставил нам свободу на зло, но чтобы пользовались ею, как средством к получению большей награды, восходя к совершеннейшей мудрости». Так как он повсюду называет закон

игом рабства, а благодать освободительницей от клятвы закона, то чтобы кто-нибудь не подумал, будто он повелевает оставить закон для того, чтобы можно было жить нам беззаконно, он предупреждает подобное подозрение, говоря: «Не для того (освобождены мы от закона), чтобы жить нам беззаконно, но чтобы стяжать мудрость выше закона, потому что узы закона разрешены. И я говорю это не для того, чтобы нам еще более унизиться, но чтобы более возвыситься. Ведь и блудник, и девственник – оба преступили пределы закона, но не одинаково, а один ниспал в худшее, другой же возвысился к лучшему, один преступил закон, а другой превзошел закон». Итак, Павел говорит следующее: «Христос освободил вас от ига не для того, чтобы вы прыгали и бесились, но, чтобы освобожденные от ярма, текли благоустроеннее». Затем (апостол) указывает и способ, посредством которого легко можно достигнуть этого. Какой же это способ? Любовью, – говорит, – служите друг другу» («Любовию работайте друг другу») ([Гал.5:13](#)). Снова здесь он дает понять, что причиной их заблуждения были честолюбие, несогласие, любоначалие и гордость, так как мать ересей есть страсть властолюбия. И словами «работайте друг другу» он показал, что это зло произошло именно от тщеславия и гордости, а потому представляет и соответственное врачевство. «Так как вы разделились между собою вследствие желания властвовать один над другим, то служите друг другу, и таким образом вы опять соединитесь». Впрочем, он ясно не называет греха, а ясно предлагает только способ исправления, чтобы отсюда уже они узнали и грех свой, – подобно тому, как если бы кто, не говоря (прямо) распутному, что он распутен, стал бы убеждать его быть целомудренным. И действительно, кто любит, как должно, ближнего, тот не откажется служить ему покорнее всякого раба. Как огонь, поднесенный к воску, легко размягчает его, точно так же и теплота любви сильнее огня разрушает всякую гордость и надменность. Вот почему не сказал просто – «любите друг друга», а – «работайте» («служите»), указывая этим на высшую степень любви. А чтоб они, освободясь от ига закона, не сделались бесчинными, он возлагает на них другое иго, иго любви, которое хотя и крепче первого, но гораздо легче и приятнее. Потом, изъясняя, в чем состоит благо любви, говорит: «Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» («ибо весь закон в едином словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе») ([Гал.5:14](#), [Мф.22:39](#), [Лев.19:18](#)). Так как они всячески извращали закон, то он и говорит: «Если ты хочешь исполнить закон, то не обрезывайся, потому что он исполняется не в обрезании, а в любви». Смотри, как он не

может забыть своей скорби, но непрестанно возвращается к тому, что причиняет ему эту скорбь, даже и перешедши к нравственному учению.

«Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» («Аще же друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблени будете») ([Гал.5:15](#)). Он не высказывает своей мысли прямо, чтобы не огорчить их, хотя знал, что так и делается между ними; но то же самое говорит с видом некоторого сомнения. Он не сказал: «потому что вы угрызаете друг друга», и далее тоже (не сказал прямо), равно как опять и после не высказал прямо, что вы будете истреблены друг другом; такая речь свойственна только устрашающему и предостерегающему от опасности, а не осуждающему. Слова же употребил самые сильные. Не сказал он только – «угрызаете», что делает иногда раздраженный, но прибавил – «и съедаете», что свойственно закореневшему в злобе. Угрызающий удовлетворяет только страсть гнева, тот же, кто съедает, обнаруживает в себе крайнюю степень зверства. Впрочем, он говорит здесь не о телесных укушениях и съеданиях, а понимает еще более худшие. В самом деле, не столько причиняет вреда тот, кто съедает плоть человека, сколько тот, кто угрызает душу его, так как, насколько душа драгоценнее тела, настолько тягостнее и причиняемое ей зло. «Берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» («Блюдитесь, да не друг от друга истреблени будете»), – говорит он. Так как обманщики и злоумышленники приходят для того, чтобы губить других, то он поэтому и говорит: «Смотрите, чтобы дело не дошло и до вас». Разделение и борьба губительны и разорительны, без сомнения, как для тех, которые принимают их, так и для тех, кто вводит их, и изъедают все еще более, чем моль.

5. «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» («Глаголю же: духом ходите, и похоти плотския не совершайте») ([Гал.5:16](#)). Вот показывает и другой способ, облегчающий добродетель и содействующий исполнению выше сказанного – способ, рождающий любовь и поддерживаемый любовью. Действительно, ничто так не делает нас любвеобильными, как жизнь по духу, и ничто так не убеждает духа обитать в нас, как сила любви. Поэтому он и говорит: «поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» («духом ходите, и похоти плотския не совершайте»). Так как он ранее назвал причину болезни, то теперь указывает на лекарство, приносящее здоровье. Какое же это лекарство и какая это сила, от которой зависят сказанные выше блага, как не жизнь по духу? Поэтому и говорит: «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти,

ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» («духом ходите, и похоти плотския не совершайте: плоть бо похотствует на дух, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите») ([Гал.5:16–17](#)). Здесь некоторые нападают (на нас), говоря: «Вот и апостол разделяет человека на два, представляя его как бы составленным из противоположных природ, раз приписывает борьбу против души телу». Но это совершенно несправедливо, так как плотию он называет здесь не тело; а если понимает здесь тело, то какой смысл будут иметь следующие далее слова? «Желает, – говорит, – противного духу» («похотствует на дух»). Но ведь тело принадлежит к числу вещей не движущих, а движимых, не действующих, а которыми действуют, – как же, в таком случае, оно желает? Желание, без сомнения, принадлежит душе, а не телу. Да и в других местах Писания говорится: «желает... душа моя» ([Пс.83:3](#)); также: «чего желает душа твоя, я сделаю для тебя» ([1Цар.20:4](#)); и еще: «не следуй влечению души твоей» ([Сир.5:2](#)); и опять: «так желает душа моя» («сице желает душа моя») ([Пс.41:2](#)). Как же Павел говорит: «плоть желает противного духу» («плоть похотствует на духа»)? Плотию он обыкновенно называет не природу телесную, а злую волю, напр., когда говорит: «вы не по плоти живете, а по духу» («вы же несте во плоти, но в душе») ([Рим.8:9](#)); и еще: «живущие по плоти Богу угодить не могут» («сущии же во плоти Богу угодити не могут») ([Рим.8:8](#)). Итак, что же? Должно убивать плоть? Но сам сказавший это разве не был облечен плотию? Такие внушения дело не плоти, а диавола, так как «он был человекоубийца от начала» («он человекоубийца бе искони») ([Иоан.8:44](#)). О чем же, в таком случае, говорит (апостол)? Плотию он называет здесь помысл земной, легкомысленный и нерадивый, а в последнем виновато не тело, но беспечная душа. Ведь тело есть только орудие, от орудия же никто не отвращается, ни ненавидит, а отвращаются от того, кто употребляет это орудие во зло. Мы ненавидим и наказываем не меч, а человекоубийцу. «Но, – скажет кто-нибудь, – называть грехи души именем плоти именно и значит обвинять тело». Я же признаю, что хотя плоть и ниже души, но и она прекрасна. В самом деле, то, что ниже хорошего, и само хорошо, тогда как худое не ниже хорошего, но совершенно противоположно ему. Если ты действительно можешь указать зло, происходящее от тела, то обвиняй плоть; но если ты на основании одного только названия хочешь порицать плоть, то смотри, чтобы тебе не пришлось обвинять и душу, потому что и лишенный истины человек называется душевным человеком ([1Кор.2:14](#)), и полчища демонов называются духами злобы ([Ефес.6:12](#)). С другой стороны, именем плоти

Писание называет обыкновенно и таинства, равно и всю Церковь, называя ее телом Христовым ([Колос.1:18](#)). Если же ты хочешь, чтобы я указал тебе благодеяния, получаемые нами чрез тело, то представь, что все чувства у него уничтожены, и ты увидишь тогда душу лишенную всякого познания, и не имеющую никакого понятия о том, что он знает теперь. В самом деле, если сила Божия «от создания мира видима чрез рассматривание творений» ([Рим.1:20](#)), то как мы могли бы познать ее без глаз? Если также и «вера от слуха» ([Рим.10:17](#)), то как услышим о ней без ушей? А проповедовать и обходить землю можно только посредством языка и ног. «Как, в самом деле, проповедовать, если не будут посланы?» ([Рим.10:15](#)). Да и письмо возможно благодаря рукам. Видишь ли, какое множество благ приносит нам служение плоти? Если же (апостол) говорит: «плоть желает противного духу» («плоть похотствует на дух»), то говорит о двух противоположных видах помыслов, – о добродетели и пороке, так как именно они противятся друг другу, а не душа и тело. Если бы эти последние находились во взаимной вражде, то они истребили бы друг друга, так же, как вода истребляет огонь, как тьма – свет; если же душа заботится о теле и проявляет по отношению к нему великое попечение, весьма многое претерпевает, чтобы только не расстаться с ним, и сопротивляется, когда ее хотят разлучить с ним, если, в свою очередь, и тело служит ей, много доставляет ей познаний и само приспособлено к ее деятельности, – то как они могут быть противными и враждебными друг другу? И действительно, из самых действий их я вижу, что они не только не противны, но и весьма между собою согласны и взаимно друг друга поддерживают. Таким образом, не о теле и душе говорит (апостол) в словах «противятся друг другу», а указывает на борьбу злых и добрых помыслов. Желать и не желать – есть, конечно, дело души. Поэтому он и говорит: «Они противятся, чтобы ты не дозволял душе предаваться злым ее пожеланиям». Он так сказал это, как наставник и учитель, возбуждая страх.

6. «Если же вы духом водитесь, то вы не под законом» («Аще ли духом водими есте, несте под законом») ([Гал.5:18](#)). Какая тут последовательность? Самая строгая и очевидная. Кто имеет духа, как и следует, тот при его помощи погашает в себе всякое злое желание; кто же освободился от злых пожеланий, тот уже не имеет нужды в помощи закона, став много выше его учения. В самом деле, кто не гневается, разве нуждается в том, чтобы слышать – не убий? Кто не смотрит любопытными глазами, разве имеет нужду в наставлении – не прелюбодействовать? Кто станет говорить о последствиях зла тому, кто

исторг в себе и самый корень зла? А корень убийства, без сомнения, есть гнев, прелюбодеяния же – похотливый взгляд глаз. Поэтому он и говорит: «Если же вы духом водитесь, то вы не под законом» («аще духом водимы есте, несте под законом»). Здесь, мне кажется, он высказал вместе великую и удивительную похвалу закону. «Если закон, – говорит, – до пришествия духа заменял, сообразно силам своим, духа, то даже и поэтому нет нужды оставаться теперь под пестуном. Тогда, конечно, мы справедливо находились под законом, чтобы, побуждаемые страхом, удерживали свои пожелания, так как не явился еще дух; а теперь, после того как нам дарована благодать, которая не только повелевает воздерживаться от них, но и сама иссушает их и возводит человека к совершеннейшей жизни, какая нужда в законе? Кто по собственному побуждению совершает большее, на что тому пестун? Философ, конечно, не имеет нужды в учителе грамматики. Итак, для чего вы унижаете себя, слушая теперь слова закона, после того как первоначально изъявили готовность служить духу?»

«Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» («Явлена же суть дела плотская, яже суть блуд, прелюбодеяние, нечистота, студодеяние, чародеяния, идолослужение, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти, убийства, пьянства, безчинны кличи, и подобная сим: яже предглаголю вам, якоже и предрекох, яко таковая творящи царствия Божия не наследят») ([Гал.5:19–21](#)). Теперь ты, обвинитель плоти своей, скажи мне, если ты думаешь, что это сказано о борьбе и вражде ее (пусть даже прелюбодеяние и блуд, по-вашему, зависят от плоти), – как вражда, ссоры, зависть, распри, ереси и волшебство (а все это, равно как и другое, конечно зависит от воли, только развращенной), как они-то могут зависеть от плоти? Видишь, что (апостол) говорит здесь не о плоти, а о земных и низменных помыслах? Поэтому он возбуждает и страх, говоря: «поступающие так Царствия Божия не наследуют» («таковая творящи, царствия Божия не наследят»). А если бы это зависело от злой природы, а не от развращенной воли, то ему скорее следовало бы сказать не – «творят», но – «претерпевают». Но за что же они, в таком случае, лишаются и царствия? Ведь как венцы, так и наказания следуют не за то, что совершается по природе, но за то, что по воле. Вот почему и Павел угрожал так.

«Плод же духа: любовь, радость, мир» («Плод же духовный... любви, радость, мир») ([Гал.5:22](#)). Не сказал – «дело», но – «плод» духа. Что же, не излишняя ли душа? Если речь идет только о плоти и духе, то где душа? Или он говорит о существах, не имеющих души? В самом деле, когда зло приписывается плоти, а добро духу, то душе нет уже места. Но это совершенно не так, потому что воздержание страстей есть дело души и ей принадлежит; и если она, находясь среди добродетели и порока, употребляет тело на должное, то и его делает духовным, а если удаляется от духа и предается злым пожеланиям, то и сама становится более земною. Видишь ли из всего этого, что он говорит здесь не о существе плоти, а о злом и добром произволении? Почему же он (добрые дела) называет «плодом» духа? Так как злые дела происходят только от нас, поэтому он и называет их делами, между тем, добрые требуют не нашего только старания, но и человеколюбия Божия. Затем, перечисляя добрые дела, на первом месте поставляет корень их, говоря так: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» («любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание: на таковых несть закона») ([Гал.5:22–23](#)). В самом деле, чему можно научить того, кто сам в себе имеет все, и у кого совершеннейшим учителем мудрости служит любовь? Как кроткие кони, и сами по себе делающие все, не имеют нужды в биче, так и душа, преуспевающая в добродетели действием духа, не имеет нужды в предписаниях закона. Итак, (апостол) и здесь с удивительной мудростью отверг закон, не потому, чтобы он был худ, но потому, что он ниже премудрости, даруемой Духом.

«Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» («А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми») ([Гал.5:24](#)). Чтобы не спросили: «кто же это такие?» – он из самых дел указывает тех, которые поступают так, называя снова здесь плотию злые дела. Ведь таковые, конечно, не убили своей плоти, – иначе как бы они стали жить – распятое, без сомнения, мертво и недейтельно, – но говорит о совершенстве их мудрости. Хотя страсти и досаждают им, но восстают на них совершенно без успеха. Итак, если такова сила духа, то им и жить будем, им только и будем довольствоваться. Указывая на это, и сам (апостол) прибавил: «Итак, будем жить «духом», и «по духу и поступать должны» («духом да ходим») ([Гал.5:25](#)), живя по его законам». Это именно и значит – «поступать должны» («да ходим»), то есть: «будем довольны силою духа и не станем искать дополнения в законе». Затем, желая показать, что вводящие обрезание делают это по честолюбию, говорит:

«Не будет тщеславиться, в чем заключается причина всех зол, не будем друг друга раздражать, друг другу завидовать» ([Гал.5:26](#)). Ведь от тщеславия рождается зависть, а от зависти происходят все те бесчисленные виды зла.

Глава 6

[Гал.6:1](#). Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным..

Обязанность учителя. – Павел диктовал послания, а писал другой, исключая послание к Галатам. – Сила креста.

1. Так как (галаты), под предлогом обличения, мстили другим за свои страсти и обольщали себя тем, что они делают это для исправления грехов других, между тем как на самом деле желали утвердить свое любоначалие, то (апостол) говорит: «Братия! Если и впадет человек в некое прегрешение». Не сказал – «если сделает», но – «если впадет», т. е., «если будет увлечен».

«Вы, духовные, исправляйте такового» («Вы духовнии исправляйте такового») ([Гал.6:1](#)). Не сказал опять – «наказывайте», или осуждайте», но – «исправляйте». И даже на этом не останавливается, но, желая показать, что им нужно быть крайне снисходительными к вовлеченным в грех, прибавил: «в духе кротости» («духом кротости»). Не сказал просто – «кротостью», но – «в духе кротости» («духом кротости»), показывая тем, что это угодно и Духу, и что способность исправлять кротостью согрешающих есть дар духовный. Затем, чтобы исправляющий другого не возгордился, он устрашает и его опасностью подобного падения, говоря: «наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным» («блюдый себе, да не и ты искушен будеши»). Как богатые подают бедным милостыню, чтобы, если и им самим придется впасть в бедность, получить тоже от других, так должно поступать и нам. Поэтому он представляет и необходимую причину, говоря: «наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным» («блюдый себе, да не и ты искушен будеши»). При этом он еще и защищает согрешающего, во-первых, словами: «если и впадет», которыми указывает на великую немощь души, во-вторых, словами: «чтобы не быть искушенным» («да не и ты искушен будеши»), обвиняя более искушение демонское, нежели нерадение души.

«Носите бремена друг друга» («Друг друга тяготы носите») ([Гал.6:2](#)). Так как невозможно, будучи человеком, быть свободным от недостатков, то (апостол) убеждает не быть строгими судьями погрешностей других, но терпеливо сносить недостатки ближних, чтобы и другие сносили их собственные недостатки. Как при постройке здания не все камни

получают одно назначение, но один годится для угла, а не для основания, другой для основания, а не для угла, так, без сомнения, и в теле Церкви. Равным образом и в нашем теле каждый может увидеть то же самое, однако же, один член терпит другого, и мы не требуем всего от каждого из них, потому что из совокупности разнообразного состоит и тело, и здание.

«И таким образом исполните закон Христов» («И тако исполните закон Христов»). Не сказал – «исполняйте»⁷, но – «восполняйте»⁸, то есть: «исполняйте все вместе совокупными силами, терпя недостатки один другого». Так, например, тот вспыльчив, а ты сонлив: сноси же, в таком случае, его бурные порывы, чтобы и он сносил твою вялость. Таким образом, и он не согрешит, когда встретит снисхождение к себе с твоей стороны, да и ты не погресишь, раз брат твой терпит в тебе то, что для него тяжело. Итак, подавая друг другу руку помощи, когда угрожает опасность падения, исполняйте закон общими силами, восполняя каждый недостатки ближнего своим терпением. Если же не будете так поступать, а всякий станет судить дела ближнего, то вы никогда не достигнете того, чего должны достигать. Подобно тому, как и по отношению к телу, если кто станет требовать от всех членов его одинакового служения, тело ни в каком случае не устоит, так и между братьями произойдет великая вражда, если мы от каждого будем требовать всего.

«Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя» («Аще бо кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе») (Гал.6:3). Обрати снова и здесь внимание на гордость. Кто считает себя чем-нибудь, тот ничто, и первым доказательством ничтожности своей представляет именно такое легкомыслие.

«Каждый да испытывает свое дело» («Дело же свое да искушает кийждо») (Гал.6:4). Здесь он показывает, что нам нужно быть судиями своей собственной жизни, и не слегка, но со тщанием исследовать совершенное нами. Например, ты сделал какое-нибудь добро? Смотри, не сделал ли ты его по тщеславию, или по нужде, или по ненависти, или по лицемерию, или по какому-либо другому человеческому побуждению. В самом деле, подобно тому как золото, хотя и кажется блестящим прежде, чем положено будет в горнило, но совершенно познается уже после того, как подвергнется действию огня и от чистого золота будет отделена всякая примесь, точно так же и наши дела тогда только откроются в настоящем виде, когда мы тщательно исследуем их, тогда мы и увидим, что мы сами за многое повинны осуждению.

«И тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом» («и тогда в себе точию хваление да имать, а не во инем»). Этими словами (апостол)

предписывает не правило, но лишь оказывает снисхождение, говоря как бы так: «Хвалиться, конечно, безумно, но если уже хочешь хвалиться, то не перед ближним, как фарисей». А кто научится не хвалиться перед ближним, тот, без сомнения, скоро перестанет хвалиться и в себе. Вот почему он и сделал им это снисхождение, чтобы мало-помалу уничтожить в них все зло. Действительно, привыкший хвалиться только в себе, а не перед другими, скоро исправит и этот недостаток, потому что, кто не считает себя лучше других (это и значат слова – «не в другом»), но хвалится только собою, рассматривая себя одного, тот перестанет, наконец, делать и это. А чтобы ты мог убедиться, что (апостол) имеет в виду достижение именно этого, смотри, как он смиряет такового страхом, выше сказав: «да испытывает свое дело» («дело свое да искушает»), и здесь прибавляя: «ибо каждый понесет свое бремя» («кийждо бо свое бремя понесет») ([Гал.6:5](#)). Он делает вид, будто дает заповедь, возбраняющую хвалиться перед другим, а между тем этим исправляет и хвлящегося, чтобы он и о себе не думал много, приводя его в сознание своих собственных грехов и поражая его совесть наименованиями бремени и ношения тяжести.

2. «Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим» («Да общается же учайся словеси учащему во всех благих») ([Гал.6:6](#)). Здесь (апостол) говорит уже об учителях, чтобы наставляемые усердно служили им в содержании. Но для чего Христос установил такой закон? А в новом (завете) есть действительно этот закон, чтобы проповедующим Евангелие жить от благовествования ([1Кор.9:14](#)); да и в ветхом (завете) точно так же левиты получали большие приношения от подчиненных ([Числ.31:47](#)). Итак, для чего же Он установил это? Прежде всего для того, чтобы дать побуждение к смирению и любви. Так как учительское достоинство часто надмевает имеющих его, то Христос, желая смирить высокомерие учителя, поставил его в необходимость нуждаться в помощи наставляемых им, а с другой стороны и последним предоставил случай быть более доступными благосклонности, научая их чрез услужливость учителям быть благосклоннее и к другим, а чрез это возбуждая и немалую любовь в тех и других. А если бы не было, как я сказал, этого (намерения), то для чего Он, питавший неблагодарных иудеев манною, поставил апостолов в состояние нищих? Не очевидно ли, что чрез это Он хотел научить (последних) великим добродетелям – смирению и любви, а равно и тому, чтобы наставляемые не стыдились быть под руководством людей, по-видимому презренных? Просить считается постыдным; но это не могло уже казаться таким после того, как учителя делали то же самое

совершенно свободно; а таким образом и отсюда ученики получали не мало пользы, научаясь из примера учителей презирать всякую славу. Поэтому-то (апостол) говорит: «Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим» («да общается же учайся словеси учащему во всех благих»). Это значит – должен проявлять по отношению к нему совершенную щедрость, так как, указывая на это, он сказал: «делись всяким добром» («во всех благих»). «Ученик, – говорит он, – не должен ничего считать своею собственностью, но все должно быть у него общее с учителем. Ведь он получает больше, нежели дает, и настолько больше, насколько небесное выше земного». Указывая на это, он и в другом месте сказал: «Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?» («аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем») ([1Кор.9:11](#)). Поэтому он и называет это дело общением, показывая тем, что оно не остается без воздаяния, а благодаря этому и любовь делается пламеннее и крепче. Итак, если учитель просит необходимого для жизни, то, и получая это, сохраняет свое достоинство. В самом деле, похвалою учителю служит уже и то, когда он так усерден к проповеди, что имеет нужду в помощи других, терпит крайнюю бедность и презирает все житейское. А если он преступает меру необходимого, то теряет и свое достоинство, но не оттого, что берет, а оттого, что берет сверх меры. Чтобы неблаговидная жизнь учителя не ослабила усердия к нему ученика, и чтобы последний во время бедности учителя не стал пренебрегать им за его нечестные поступки, (апостол) ниже говорит: «Делая добро, да не унываем» («доброе же творяще, да не стужаем си») ([Гал.6:9](#)); здесь же он показывает различие между общением и пристрастием к земным благам, говоря так: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» («не льститеся: Бог поругаем не бывает. Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный») ([Гал.6:7–8](#)). Подобно тому, как в посевах – тот, кто сеет горох, не может пожать пшеницы, потому что жатва необходимо бывает однородна с посеянным, – точно также бывает и в делах, – кто наполняет плоть свою удовольствиями, пьянством, необузданными пожеланиями, тот и пожнет то, что из этого обыкновенно произрастает. Что же это такое? Наказание, отмщение, посрамление, поругание, истление. Ведь роскошные обеды и пиршества не имеют никакого другого последствия, кроме истления, – так как и сами они тлеют, и вместе с собою тлят и тело. Напротив, дела духовные не таковы,

но совершенно противоположны (плотским). Смотри, в самом деле: ты посеял милостыню, – тебя ожидают небесные сокровища и вечная слава; посеял целомудрие, – тебя ожидают честь и награда, приветствия ангелов и венцы от Подвигоположника.

«Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» («Доброе же творяще, да не стужаем си: во время бо свое пожнем не ослабеюще. Темже убо, дондеже время имама, да делаем благое ко всем, паче же к присным в вере») ([Гал.6:9–10](#)). Чтобы кто не подумал, что должно заботиться и пропитывать только учителей, а о других можно и не заботиться, (апостол) заключает свое слово общим наставлением, и раскрывает дверь щедрости для всех, и распространяет ее до того, что повелевает подавать милостыню даже иудеям и язычникам, хотя и в надлежащем порядке, но все-таки подавать ее всем. Какой же это порядок? Иметь большее попечение о верных. И как он обыкновенно делает и в других посланиях, так поступает и здесь, – говоря не только о том, что нужно подавать милостыню, но и подавать с охотою и непрестанно; на это именно указывает он словами – «сеять» и «не должно унывать». Но так как он потребовал от них многого, то полагает при дверях и награду для них, указывая на некоторую новую и необыкновенную жатву.

3. «В земледельческих трудах не только сеющий, но и жнущий претерпевает большое утомление, борясь с жаром, пылью и великою тяжестью труда; тогда же, – говорит он, – ничего подобного не будет», как это видно из сказанного им: «ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» («во время бо свое пожнем не ослабеюще»). И этими словами он убеждает и привлекает их, а последующими побуждает и понуждает, говоря: «Итак, доколе есть время, будем делать добро всем» («темже убо, дондеже время имама, да делаем благое ко всем»). Подобно тому, как не всегда в нашей власти производить посев, точно так же не всегда мы можем подавать и милостыню. Когда мы уйдем из этого мира, то хотя бы и тысячу раз хотели творить милостыню, мы не будем в состоянии совершить ничего. Об этом свидетельствуют нам и те девы, которые, хотя пришли с искренним желанием, но не имея обильной милостыни, отлучены были от брачного чертога ([Мф.25](#)), а равно и тот богач, который презрел Лазаря, так как и он, потому что лишен был помощи ее, не получил милости ни от патриарха, ни от кого-либо другого, несмотря на слезы и сильные просьбы, но остался навсегда в огненном мучении, без всякого послабления ([Лук. 16](#)). Поэтому и говорит: «Итак, доколе есть время, будем делать, и притом всем». Этими

словами он особенно предостерегает их от скупости иудейской. У последних все дела человеколюбия ограничивались только единоплеменниками, тогда как учение благодати призывает на трапезу благотворения и море, и землю, хотя и обнаруживает большее попечение о своих.

«Видите, как много написал я вам своею рукою. Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезать вас» («Видите, колицами книгами писах вам моею рукою. Елици хотят хвалиться по плоти, сии нудят вы обрезать») ([Гал.6:11–12](#)). Подумай, какая великая скорбь объемлет эту блаженную душу. Как пораженные какою-либо скорбью, или лишившиеся кого-нибудь из родных, или потерпевшие какое-либо неожиданное несчастье не имеют покоя ни днем, ни ночью, по причине удручающей их душу скорби, – так и блаженный Павел, сказав немного о нравственности, опять возвращается к прежнему, что более всего возмущало его душу, и говорит так: «Видите, как много написал я вам своею рукою» («видите, колицами книгами писах вам моею рукою»).

Здесь он указывает только на то, что все это послание написал он сам, а это служило свидетельством его великой близости. Другие послания сам он только диктовал, а писал другой, как это видно из послания к римлянам, в конце которого сказано: «Приветствую вас... и я, Тертый, писавший сие послание» («целую вы и аз Тертый, написавый послание сие») ([Рим.16:22](#)); в настоящем же случае написал все послание сам. Сделал же это он теперь и по необходимости, не только из любви к ним, но вместе и для отвращения худого подозрения. Так как на него возводили обвинение в таких делах, в которых он не принимал никакого участия, и говорили, что он проповедует обрезание и только притворяется не проповедующим, то ввиду этого он и вынужден был собственноручно написать это послание, чтобы представить о себе письменное свидетельство. Словом же «много» («колицами»), по моему мнению, он указывает не на обширность послания, а на недостаточную красоту почерка, как бы так говоря: «Хотя я не умею красиво писать, однако же, принужден написать это послание собственноручно, чтобы заградить уста клеветникам».

«Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезать вас только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо и сами обрезающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти» («Елици хотят хвалиться по плоти, сии нудят вы обрезать, точию да не креста ради Христова гоними будут. Ни бо обрезающии сами закон хранят, но хотят вам обрезать, да в вашей

плоти похвалятся») ([Гал.6:12–13](#)). Здесь (апостол), показывая, что они не сами собою впали в это заблуждение, а по принуждению, тем самым представляет им случай оставить таковое, а, почти оправдывая их, тем убеждает скорее отстать от лжеучителей. Но что значит – «хвалиться по плоти»? Заслуживать похвалу от людей. «Так как (лжеучители) сами терпели поношение от иудеев за оставление отеческих обычаев, то, чтобы избегнуть этого поношения, – говорит он, – они хотят совратить вас, чтобы самим оправдаться перед теми вашею плотию». Сказал же это он для того, чтобы показать, что лжеучители делали это не для Бога, говоря как бы так: «Это происходит не от благочестия, а все делается из одного человеческого честолюбия, ради угождения неверным – тем, что верные обрезаются, и предпочитают оскорбить Бога, чтобы только угодить людям». Это именно значат слова – «хвалиться по плоти». Затем, желая показать, что лжеучители и с другой стороны недостойны прощения, он еще обличает их и в том, что они повелевают обрезываться не только из угождения другим, но и для собственного тщеславия. Поэтому он и прибавил: «дабы похвалиться в вашей плоти» («да в вашей плоти похвалятся»), – как будто они действительно имеют учеников, а сами учителя. Но откуда это видно? «Ибо и сами... не соблюдают закона» («Ни бо сами закон хранят»), – говорит он. Впрочем, если бы и соблюдали, то и в таком случае были бы достойны величайшего осуждения, а теперь и самое намерение их преступно. «А я не желаю хвалиться, – говорит, – разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» («Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа») ([Гал.6:14](#)). Конечно, это считается позорным, но только в мире и у неверных, а на небесах и у верных это величайшая слава. Так и бедность для других постыдна, для нас же она – похвала; и терпеть поругания для многих кажется смешным, а мы этим хвалимся. Точно так же и крест есть наша похвала. И не сказал он: «я же не хвалюсь», или: «я же не хочу хвалиться», но – «мне же да не будет», как бы отвращаясь чего, как безрассудного, и прося у Бога помощи, чтобы ему избежать этого. В чем же состоит похвала о кресте? В том, что Христос ради меня принял зрак раба, и ради меня претерпел страдания, – ради меня, бывшего рабом, врагом и неблагодарным, и так возлюбил меня, что предал и Себя (на смерть). Что еще можно найти равное этому? Если рабы, получая только похвалу от своих господ, которые, будучи притом одного естества с ними, хвалятся этим, то как же не хвалиться нам, когда Владыка, истинный Бог, не постыдился претерпеть за нас крестную смерть? Поэтому и мы не будем стыдиться Его неизреченного милосердия к нам. Он не устыдился быть распятым за тебя, а ты стыдишься

исповедывать Его бесконечное милосердие? В таком случае ты подобен тому узнику, который прежде не стыдился своего царя, а когда последний, придя к нему в темницу, снял с него оковы своими руками, стал из-за этого стыдиться его. Это было бы крайним безумием, так как этим особенно и надобно хвалиться.

4. «Которым для меня мир распят, и я для мира» («Имже мне мир распяся, и аз миру»). Миром он называет здесь не небо и землю, но дела житейские – похвалу от людей, почет, славу, богатство и все подобное, что кажется обыкновенно блистательным. «Все это, – говорит, – стало для меня мертво». Таков должен быть христианин, и эти слова он должен постоянно иметь на устах своих. Но (апостол) еще не был доволен только первым видом умерщвления, но присовокупил и другой, сказав: «и я для мира» («и аз миру»), указывая этим на двойное умерщвление, и как бы так говоря: «и это для меня мертво, и я, с другой стороны, мертво для этого; это не может овладеть мною или пленить меня, потому что раз и навсегда умерло для меня; и я не могу быть одержимым желанием его, так как и я мертво для этого». Нет ничего блаженнее подобного умерщвления, так как оно служит основанием блаженной жизни.

«Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию» («Ни обрезание бо что может, ни не обрезание, но нова тварь. И елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость, и на Израили Божии») ([Гал.6:15–16](#)). Видишь ли, на какую высоту вознесла (апостола) сила креста? Она не только все мирское сделала мертвым для него, но и поставила его несравненно выше прежней жизни. Какая сила может равняться этой силе (креста)? В самом деле, кто раньше подвергался смерти и других умерщвлял за обрезание, того крест научил, вменив обрезание наравне с необрезанием, искать дел новых, дивных и превышенебесных. Новою тварью он называет нашу жизнь, – как в отношении к совершившемуся, так и в отношении к имеющему еще совершиться. В отношении к совершившемуся – потому, что душа наша, состарившаяся во грехе, чрез крещение вдруг обновилась, как бы созданная вновь, почему и требуется от нас также и образ жизни новый и небесный; в отношении же к будущему – потому, что небо, и земля, и вся наконец тварь вместе с нашими телами должны перейти в состояние нетления. «Итак, не говори мне, – говорит (апостол), – об обрезании, которое теперь не имеет уже силы; да и как, в самом деле, оно может оставаться теперь, когда все так изменилось? Ищи новых дел благодати. Только стремящиеся к этим делам насладятся миром и милостию Божией

и могут быть названы в собственном смысле Израилем, – тогда как те, которые мыслят противное этому, хотя бы они родились и от Израиля и носили имя его, лишились всего этого, и сродства с ним, и самого наименования. Только исполняющие это правило, оставивши древнее и следуя учению благодати, могут назваться истинными израильтянами».

«Впрочем, никто не отягощай меня» («Прочее, труды да никтоже ми дает») ([Гал.6:17](#)). Здесь он говорит это не как утомленный или отчаявшийся. Как, в самом деле, мог ослабеть или упасть духом тот, кто решился ради учеников все сделать и претерпеть, – кто говорит: «настой во время и не во время» («настой благовременне и безвременне») ([2Тим.4:2](#)), и еще: «не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола» («еда како даст им Бог познание истины, и возникнут от диавольския сети») ([2Тим.2:25–26](#))? Для чего же он говорит это? Для того, чтобы возбудить их недеятельный ум, привести их в большой страх, утвердить предписанные им правила, и предостеречь их впредь от подобных смятений.

«Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» («Аз бо язвы Господа Иисуса Христа на теле моем ношу»). Не сказал – «имею», а – «ношу», точно кто-нибудь гордящийся своими трофеями или царскими знаками отличия. Хотя носить язвы считается также признаком бесчестия, но он хвалится язвами; и подобно тому как радуются воины, носящие знамена, так радуется и он, носящий язвы. Но для чего он говорит это? «Для того, – говорит, – что эти язвы оправдывают меня лучше всякого слова, лучше всякого голоса. Они издают голос сильнее всякой трубы против тех, которые противоборствуют мне и говорят, то я учу притворно и говорю иногда в угождение людям. Если бы кто увидел окровавленного и покрытого бесчисленными ранами воина, вышедшего из строя, тот, конечно, не мог бы обвинять его в трусости и предательстве, так как он на самом теле своем носит доказательство своего мужества. Так же, – говорит, – должно судить и обо мне. И если кто хочет слышать мое оправдание и узнать мой образ мыслей, тот пусть смотрит на мои раны, которые представляют доказательство сильнее этих слов и этого писания». В начале послания он ясно доказал свое непритворство внезапным своим обращением, в конце же его доказывает это своими страданиями. А чтобы кто-нибудь не сказал, что он обратился с искренним сердцем, но после не устоял в том же самом расположении, для этого он и приводит свои труды, страдания и язвы в свидетели того, что он также и устоял. Наконец, достаточно оправдавшись во всех отношениях, и уверив, что ничего не сказал по гневу или по нерасположению, а питает к ним неизменную

любовь, он снова подтверждает то же самое, заключая свое слово молитвою, исполненную бесчисленных благ, и говоря: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь» ([Гал.6:18](#)). Этими последними словами он наложил печать на все сказанное прежде. В самом деле, он не сказал просто – «с вами», как говорит в других посланиях, но – «со духом вашим», отклоняя их от плотского, и везде указывая на благодеяния Божии, и напоминая о благодати, которую они получили и которая достаточна была для того, чтобы избавить их от всякого иудейского заблуждения. Как принятие Духа зависело не от немощного закона, но от оправдания чрез веру, так и удержание его после принятия зависело не от обрезания, а от благодати. Поэтому он и заключил увещание молитвою, напомнил о благодати и духе и назвал их братьями, и, призвав Бога, чтобы они постоянно наслаждались этими дарами, оградил их двойною оградю, так как сказанное им есть и молитва, и вместе всецелое наставление, и потому служит для них вместо двойной стены. В самом деле, и наставление, напоминаящее им, каким благ они удостоены, весьма сильно могло удерживать их в догматах Церкви, и молитва, призывающая благодать и умоляющая ее неотлучно пребывать в них, не попускала духу отступить от них. Когда же (Дух) будет пребывать в них, тогда всякое ложное учение исчезнет как пыль, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

1

ιστορήσαι

προσήλυτοι

3

Εβάρσκαθεν – сглазил; обманул, побуждаемый завистью.

4

(τελείσθε)

5

(επιτελείσθε)

6

(αναστατούντες)

7

(πληρώσατε)

8

(αναπληρώσατε)